

*Катерина Герасимова
Софья Чуйкина*

ОТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕТЕРБУРГА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ ЛЕНИНГРАДУ:

**ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ
СТРУКТУРЫ
ГОРОДА В 30-Е ГОДЫ**

ВВЕДЕНИЕ¹

В последние годы появилось много работ, посвященных повседневной жизни при сталинизме и судьбам «обыкновенных людей»², в которых показана, как пишет американский историк Ш. Фитцпатрик во введении к книге «Повседневный сталинизм», жизнь «обычных людей в необычных обстоятельствах» — при политической диктатуре, экономике дефицита, ускоренной индустриализации и урбанизации, культурной трансформации. Наша работа «льет воду на ту же мельницу» — встраивается в общий ряд исследований, стремящихся к реконструкции жизненного опыта людей, скрытого за идеологическим фасадом. Во многих работах описываемые авторами биографии или события помещены в контекст советского города. Но сами города в этот период подвергались трансформации предпринимались попытки реконструкции бывших «капиталистических» городов в «социалистические».

В этой статье мы, с одной стороны, рассматриваем Ленинград как объект преобразований: город был «игровой площадкой» идеологов, архитекторов, планировщиков. С другой стороны, мы стремились показать «диалог» города и горожан, их взаимное влияние на судьбы друг друга, поэтому вторая часть статьи сфокусирована на восприятии и использовании горожанами городского пространства.

Основными источниками информации о процессах, проис-

ходивших в городе в конце 1920-х и в 30-х годах, и об идеологических проектах изменения городского пространства являлись ленинградские газеты, статистические сборники и литература о градостроительстве в Ленинграде. Газеты «Ленинградская правда», «Красная газета» 1918—1925 гг. и 1936—1941 годов были прочитаны выборочно, периода 1926—1936-го — все экземпляры. Мы анализировали материалы прессы, посвященные идеологии и проектам переустройства города; отчеты о проделанной работе по перепланировке и благоустройству; проблемные материалы; фиксировали символическое значение, придаваемое районам, местам, отдельным кварталам, улицам, домам города (например, «сад отдыха рабочих», или «дом, население которого составляют «бывшие люди»), особенные названия каких-либо мест города, зоны конфликтов между различными слоями населения.

Другой массив информации представляет собой серию интервью с жителями Ленинграда, коренными и приехавшими в город в начале 30-х годов³. Всего было проанализировано 50 интервью. Среди опрошенных нами коренных ленинградцев и мигрантов были выходцы из семей рабочих, ремесленников и крестьян (и «кулаков», и «бедных»), и представители образованных слоев: буржуазии, купечества, дворянства. Их профессиональные статусы в Ленинграде 1930-х годов представляют также широкий спектр — студенты и преподаватели ВУЗов, инженеры, научные работники, рабочие заводов, домработницы, работники советских учреждений всех уровней, комсомольские и партийные работники. Таким образом, у нас имеются интервью с представителями практически всех слоев Ленинграда. Также использовались для работы мемуары и автобиографии, описывающие жизнь в Ленинграде в данный период времени. На основе анализа биографических материалов были реконструированы места проживания и активности людей разного социального происхождения и положения, был центра и окраин города, субъективное восприятие городской среды горожанами, различные способы освоения городского пространства.

Рассказы наших информантов о своем прошлом, конечно, содержат некоторые неточности и «белые пятна». К тому же необходимо учитывать, что это воспоминания людей о своем прошлом, и создаваемая их памятью картина прошлого не объективна, ибо реальность воспринимается ими через призму эмоций, переживаний, страданий и секретов. Признавая эти недостатки нарративных интервью, мы считаем их ценными источниками, так как они содержат *рассказы о практиках*, которые, по замечанию Д. Берто, высвечивают социальный контекст,

в котором данные практики имели место, и воспроизводству и трансформации которого они активно способствовали⁴.

ЧАСТЬ I

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛЕНИНГРАДА: ПРОЕКТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С момента своего основания Петербург был объектом планирования и в этом смысле представлял собой продукт определенной городской идеологии. Первый план, предложенный архитектором Леблоном Петру Первому в 1717 году, в полной мере воплотил принципы классической рациональности, монархизма и дисциплинарной власти⁵. Несмотря на неполную реализацию этого плана, протрансформация Петербурга находилась под пристальным вниманием власти. Однако бурное развитие капитализма привело к тому, что власти города оказались не способны противостоять частным застройщикам, стремящимся к получению прибыли, а не следованию образцам застройки классического города. Так появились районы доходных домов, олицетворяющие капиталистический Петербург.

Центром считались районы каменной застройки 18—19 веков на левом берегу Невы. Доминантой центра был Невский проспект и прилегающие к нему фешенебельные улицы и набережные (Большая и Малая Морские, канал Грибоедова, набережные Мойки и Фонтанки и т.д.). Переходной зоной были прилегающая к стрелке часть Васильевского острова, Петроградская сторона, Гороховая улица, Вознесенский проспект, районы Московского, Витебского вокзалов, Сенная площадь. Периферийные районы описывались как «слободы», «заставы», «поселки», «деревни» — Московская, Нарвская, Невская заставы, Волкова деревня, деревня Автово, Охта.

Говорить о гомогенном составе населения центра вряд ли можно, т.к. и в одном квартале находились дома различного качества и, следовательно, предназначенные для разных социальных слоев, и даже в одном доходном доме могли собираться представители почти всех страт российского городского общества, за исключением самого высшего слоя⁶. Однако центр ассоциировался, прежде всего, с богатством, лучшими гигиеническими условиями, комфортом, престижем, большими квартирами, хорошей городской инфраструктурой, культурной сценой, т.е. с теми ценностями, которые поддерживали политически и культурно доминирующие в центре социальные слои.

рода в представлении горожан и городских управленцев делилась на районы буржуазно-аристократические («центр») и рабочие районы, включавшие «городские деревни» («окраины») ¹⁰. В 1930-е годы в газетах тиражировались описания старого Петербурга, непременно содержащие контрастное описание центра и окраин.

Поглядите на карту жилищного хозяйства дореволюционного времени: на ней отчетливо рисуется благополучие центральных районов, сплошные жилищные массивы, превращенные в покои буржуазии и чиновничества. Дворцы, десятки особняков — они открыли собою улицы центра, они вытеснили на окраины ссутулывшиеся жалкие деревянные домишки городского пролетариата ¹¹.

Так как большевистская доктрина провозглашала пролетариат носителем всего позитивного (прогрессивного, свободного, справедливого и т.д.), то первое место в пространственной иерархии должно было быть отведено «рабочим» районам, второе — «городским деревням» как местам локализации союзника и рекрутинговой базы пролетариата, которые должны быть урбанизированы, а существование центра вообще ставилось под вопрос, или, в лучшем случае, речь шла о его социалистической реконструкции.

Для изменения иерархии городских пространств власти использовали несколько стратегий. На уровне морфологии переопределение могло произойти только с физическим изменением среды — благоустройством рабочих районов, новым строительством. На социальном — путем перемещения различных классов в пространстве и наполнения физической среды другим социальным содержанием — введения новых практик при сохранении материальной обстановки. На символическом уровне усилия властей были направлены на понижение символического статуса центра как более престижного, значимого и привлекательного городского пространства, чем «рабочие окраины».

«Завоевание центра»

Многие влиятельные в 1920-е годы планировщики и архитекторы отрицали наличие центра в соцгороде, или, по крайней мере, центра в старом его понимании как арены культурной и общественной жизни: «Центр — понятие относительное для социалистического города. Особого центра культурных развлечений, или центра, где сосредоточены магазины, учреждения — такого центра жители города никогда не узнают ¹². Поэтому естественным шагом в социалистической реконструкции

Центр был местом презентации и самовыражения высших слоев общества и в этом смысле являлся ареной для творчества и предметом творчества. Его застраивали зданиями для извлечения прибыли, украшали новинками архитектурной моды, улучшали бытовые условия, организовывали и благоустраивали публичные пространства.

Рабочие окраины, наоборот, были достаточно однородны по своему социальному составу и воплощали не творчество и инициативу, а необходимость удовлетворения минимума человеческих потребностей. Необходимо, однако, отметить, что население окраин, относящееся в целом к низшим слоям, также может быть дифференцировано, по крайней мере, на две разные культурные группы - горожане и недавние мигранты из деревень. Окраины, называемые «рабочими», включали и «городские деревни» — территории, где располагались частные деревняные дома, огороды, нередко держался скот, неизвестны были достижения цивилизации и воспроизводился деревенский уклад жизни ⁷.

Вопрос о городском планировании не вставал перед большевиками до середины 1920-х годов. Когда же, наконец, стала налаживаться жизнь после революции и гражданской войны и появились небольшие средства для реализации градостроительных планов, возникла потребность в идеологии городского развития. В это время начинаются дебаты о социалистическом городе: каким он должен быть, чем должен отличаться от капиталистического, как в нем будет преобладать противоположность между городом и деревней, кто в нем может жить, какой тип жилья должен преобладать и т.п. Город должен был стать инструментом индоктринации новых ценностей, тем местом (Habitat), в терминологии Пьера Бурдьё, которое сформировало бы привычку советского человека: «... всю организацию города необходимо направить на систематическое уничтожение мешанских индивидуалистических навыков и на воспитание нового человека, которому индивидуализм был бы чужд и ненавистен, но который, развиваясь в общественной обстановке, в первую очередь получил бы возможность широко и глубоко развить и изощрить свою индивидуальность ⁸. Воплотить эти идеи пытались в планировании новых городов. Старые города, такие как Ленинград, со сложившейся уже структурой, необходимо было также подвести каким-то образом под определение социалистических, трансформируя городскую структуру ⁹.

К моменту перехода власти в руки большевиков карта го-

города были попытки разрушить границу между центром и окраинами и видоизменить центральные районы.

Центр после революции был маркирован как враждебная территория «эксплуататоров», «бывших». И как территорию врага центр необходимо было завоевать. В газетах тех лет мы часто встречаем метафоры «боя», «борьбы» за город. Завоевание происходило за счет приспособления старых зданий и строительство под новые революционные цели (разрушения коснулись в большей степени культурных сооружений). Так, например, бывшие гостиницы «Астория» и «Европейская» были превращены в Дома советов — дома-коммуны для высшего партийного руководства¹³, а площади города стали использоваться для проведения пролетарских массовых парадов и спортивных праздников, в бывших закрытых парках открывались Народные сады и т.п. Таким образом центру навязывались новые производственные и культурные формы. Наиболее значимой кампанией по освоению центра была экспроприация строений для удовлетворения жилищных нужд трудящихся — так называемый жилищный передел.

Жилищный передел

Изменение условий жизни трудящихся масс, планировавшееся после революции, включало в себя улучшение жилищных условий через перераспределение жилого фонда. Известная формула жилищной революции «Дворцы — рабочим!» означала переселение трудящихся с рабочих окраин, из негигиеничных и неблагоустроенных квартир в квартиры «бывших», находящиеся в центре. Эта акция носила больше символический характер — наделение пролетариата статусным символом, принадлежавшим ранее доминирующему классу¹⁴. Нужно отметить, что энтузиазм самих рабочих в этом отношении был невелик. По воспоминаниям П. А. Александрова, приехавшего в Ленинград на учебу в начале 1920-х годов, «в пустующие бывшие буржуазные квартиры в центре многие рабочие въезжать не хотели. В роскошных апартаментах они чувствовали себя неуютно, да и большие квартиры трудно было нагнать...»¹⁵. Результаты переселения оказались не столь значимыми, как планировалось, и проект превращения центра в среду обитания рабочих путем их механического переселения можно считать провалившимся¹⁶.

В газетах мы нашли многочисленные свидетельства того, что в центре целые дома сохранили своих старых жильцов: «большая часть «бывших» людей осталась в своих квартирах, безобразничают по отношению к жильцам-рабочим и служа-

щим, травят их, часто не дают спокойно отдохнуть после работы, ругаясь, ворча и т. п.»¹⁷. Особенно тщательно выявлялся социальный состав жильцов в процессе кампании по организации культурно-бытовых комиссий при ЖАКТах (жилищно-арендных кооперативных товариществах). В ЖАКТах центральных районов правления часто отказывались делать подобную работу, мотивируя это тем, что в их доме и так все жильцы культурные. Саботаж идеологических мероприятий в ЖАКТах центральных районов демонстрировал враждебность центра по отношению к новым ценностям. Адреса таких ЖАКТов, встречающиеся в газетах, — ул. Марата, Моховая, Сергиевская, Загородный проспект. При этом «буржуйчики» занимают по четыре комнаты на человека, а «пролетариев» селят в подвалах и проходных комнатах по несколько человек.¹⁸ Даже в домах треста коммунальных домов, жилплощадь в которых принадлежала местным советам, вместо рабочих-ударников «в лучших квартирах живут чужаки». В качестве примера вопиющего жилищного притеснения пролетариев приводится ситуация в доме № 15—17 по Троицкой улице (Смолянинский район, центр), который до революции принадлежал графу Толстому. В доме проживало около 3000 человек и, как писали, «социальный состав жильцов засорен классово чуждыми элементами». Так, «в кв. 350 проживает бывший директор предприятия Нобеля, в кв. 333 — бывший адъютант лейбгвардии Павловского полка, в кв. 130 — бывшая генеральша, в кв. 320 — спекулянт жилплощадью, в кв. 659 — жена бывшего начальника крепости Шлиссельбург, в кв. 357 дочь генерала, в кв. 103 — бывший эксплуататор, содержащий швейные мастерские». При этом в том же доме живет в кв. 155 рабочий живет с семьей в 3 человека на 9,7 кв. м. В этой же квартире другой рабочий с семьей в 4 человека занимает площадь 9,6 м. А бывший адъютант с семьей из 3 человек занимает 40 кв.м. Такие же «безобразия» были зафиксированы в Октябрьском районе в д. № 1 по проспекту Майорова, в д. № 18 по Пушкинской улице. Объяснялось это тем, что в центральных и Петроградском районах во главе ЖАКТов часто стоят «классовые враги», дискриминирующие трудящихся.

*В доме №18 по Пушкинской ул. проживает пролетарского люда не более 30 проц. Остальная часть почти целиком состоит из «бывших». Немудрено, что и в правлении только один рабочий и что жилищная политика в доме получила чисто кулацкий уклон.*¹⁹

Как и следовало предполагать, наибольшая потребность в чистке домоуправлений ощущается в Центральном городском районе. Здесь обитает особенно много чуждых советскому строю элементов²¹.

У «бывших» были свои тактики сохранения если не физического пространства, то социального: когда уплотнение становилось неизбежно, «бывшие» предпочитали «уплотняться» и сдавать комнаты «своим» — родственникам или по рекомендациям знакомых. До 1929 года существовал институт квартирохозяев, которые арендовали квартиры, а потом сдавали их в поднаем, предпочитая «интеллигентного солидного жильца». При отсутствии кандидатов из «своих», даже в газетных безличных объявлениях конца 20-х годов часто упоминается «интеллигентность» как код для нахождения социально и культурно близких людей: «Инт. сем. служ. ... треб. 2—3 комн., ... в Ц. р.», «Комн. нужна инт. служ. в Ц. р.» и т.п. Характерно, что многие интеллигенты стремились снять комнату в Центральном районе, воспроизводя жилищную стратификацию, характерную для старого Петербурга. Рабочие настолько дискриминировались при съеме жилья, что начали писать о «вытеснении пролетариата» из центра.

Центр продолжал оставаться враждебным и опасным для «новых хозяев». В центральном районе находилось большинство советских учреждений, в которых находили себе работу образованные люди, часто из «бывших». Эта интеллигенция, как отмечалось в газетах, была носителем «нездоровых настроений», «поэтому в Центральном районе опасность того, что коммунист подпадет под влияние чуждых людей больше, чем где бы то ни было»²¹.

«Пальма «первенства» по количеству лишенных прав принадлежит Центральному району. На сегодняшний день в районе 7200 лишенцев. Дальше идет Московско-Нарвский район — 4000. За Московско-Нарвским, держа интервал, шагает Володарский район — 2900, затем Петроградский, в списках лишенцев которого пока поставлена точка на 1500. Дальше Василеостровский — 1160 и бодро шествует рабочий Выборгский район, у которого лишенцев 803 чел.»²²

«Чистки» города

В 1929 году происходит первая волна выселений из центра города «нетрудовых элементов и бывших домовладельцев»²³.

Но результатам осенних выселений «нетрудовых» в январе 1930 года рассматриваются проекты расширения круга лиц, подлежащих выселению, в этот круг включаются лица «с нетрудовым доходом свыше 1500 рублей в год, все лишены, служители религиозных культов»²⁴. В итоге, выселены были в основном предприниматели, занимавшиеся торгово-закупочными операциями, люди из «бывших», работавшие на черном рынке и в частном секторе и считавшиеся официально безработными, в том числе уволенные в чистках совпарата 1929 года, и предстатели всех слоев населения, лишенных по тем или иным причинам избирательных прав.

Официально пропагандирувавшейся причиной выселений было наличие в жилфонде центра больших площадей. Только в центральном районе было сосредоточено 36% жилищной площади Ленинграда²⁵. При этом очередь на получение жилищной площади была самая большая: в 1929 году на очереди в Центральном районе стояло 2 тыс. семей. Выход из этой ситуации вполне продолжает революционные традиции решения жилищного вопроса через перераспределение в соответствии с идеологически утвержденными привилегиями отдельных социальных групп: «Выселение нескольких тысяч нэпманов и лишенцев из национализированных домов может облегчить тяжелые жилищные условия семей рабочих и демобилизованных. Каждый метр жилищной площади, занимаемой сейчас нетрудовым элементом, нам дозрелу нужен. ...Райсоветы должны в месячный срок произ-вести точный учет жилищной площади, занимаемой нетрудовым элементом, с тем, чтобы вся освобождающаяся площадь заселялась исключительно рабочими»²⁶.

Чтобы предотвратить выселение, подготавливаемые в «чуждости» пытались обменять свои большие квартиры на квартиры меньшей площади, но также находящиеся в центре города, чтобы остаться в привычном окружении (это подтверждается обилием газетных объявлений, содержащих параметры обмениваемых квартир и местоположение). Выселяемым площади не предоставлялось. Им советовали переселиться в пригородные районы или в «дикие», «беспорядочные» дома — здания, оставленные когда-то хозяевами, разрушенные и фактически непригодные для жилья (в 1929 году их насчитывалось в Ленинграде около 1000). «Нетрудовым элементам» предлагалось отремонтировать эти здания под жилье. Так как некоторые из «бывших» имели и загородные дома, они иногда и добровольно отдавали городское жилье, не дожидаясь прихода комиссии, и переселялись в пригороды.

Проживавший в д. 104 по Лиговке владелец молочных магази-

нов Лукин, на днях сдал свою квартиру району, а сам переселился с семьей в Лигово. Квартира передана рабочему «Большевика»²⁷.

Однако неорганизованность жилищного хозяйства, возможность использования блага и других криминальных практик позволял многим из «нетрудовых» сохранить свои площади, или, по крайней мере, уплотниться, но остаться в прежних квартирах. Введение паспортной системы в совокупности с институтом прописки значительно сужало пространство ухода от решений власти. Паспортная система стала «орудием протариата», позволяющим «отфильтровать» население городов с целью их очистки от людей, потенциально опасных для власти и поэтому недостойных проживания в городах, и от тех, кто бежал в город с надеждой от советской власти скрыться: «Единая паспортная система вводится в целях лучшего учета населения городов, рабочих поселков и новостроек и разгрузки этих населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах и не занятых общественно-полезным трудом..., а также в целях очистки этих населенных мест от укрывающихся кулацких, уголовных и иных анти-общественных элементов. ...Кулак, спекулянт, уголовный элемент не получает паспорта — единственного документа, дающего право на прописку, на постоянное пребывание в городе»²⁸. Ленинград был отнесен к числу городов, где паспортная система вводится в первую очередь. Освобождающаяся площадь должна была заселяться в первую очередь «рабочими-ударниками по указанию фабрично-заводских троек»²⁹. При этом город планировалось очистить «от лиц неопределенных занятий, безо всякой квалификации. Они большей частью живут у родных, знакомых, снимают углы, перуплотняют жилища... Естественно, что такие люди должны будут переселиться в другие местности»³⁰. Последнее предписание противоречило политике государства, направленной на индустриализацию и привлечение новой рабочей силы в города. В эту категорию попадали те, кто приехал работать на заводах, женщины, нанмавшиеся в при-слуги, молодые люди, приехавшие учиться. Но при «правильном» социальном происхождении их не трогали, хотя и не по-могали. Проблему прописки они решали самостоятельно, как правило, либо прописываясь у родственников, либо «устраиваясь» через знакомых работников ЖАКТов, либо нанимаясь в при-слугу (как кажется, самый распространенный вариант для деревенских женщин).

В полной мере паспортная система проявила себя после

убийства Кирова, когда под предлогом нарушения паспортного режима город очищали от оставшихся «бывших», подозрительных, политически неблагонадежных и просто имевших хорошие квартиры, приглянувшиеся высшей власти. В марте 1935 года проводилась массовая высылка в восточные области СССР, получившая потом название «кировский поток»³¹. В соответствии с циркуляром Управления НКВД СССР по Ленинградской области от 27 февраля 1935 года «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов» была проведена операция «Бывшие люди». В течение месяца должно было быть выдворено 10—12 тысяч человек³². Приведем цитаты из интервью с теми, кто наблюдал за выселениями «со стороны», и кто сам пережил выселение близких.

«Вот в 1934 году Кирова убили. Горе большое, все мы плакали. Тут чистка была колоссальная, выселяли из Ленинграда.

В: А по какому принципу, кого выселяли?

О: Самых культурных людей, жалко их было. Многие семьи квартир лишили, а потом их возвращали. У меня подругу Риту выселили вместе с семьей... Вот приказ вышел, что выселять. А потом их вернули³³.

О: А этот разезд дворян был такой. Значит, бабушка живет у нас. Вдруг стук в дверь. Входит дворник. Вызывает маму и говорит: „Знаете, что? Я вашу бабушку включил в «черный список». Постарайтесь ее выслать куда-нибудь, чтобы она уехала. А то ее арестуют, и вас всех вышлют“ <...> И мы моментально посадили бабушку в вагон и послали ее, бедную, в Питерск к маминой родне. <...> И нас всех не тронули. А все наши знакомые уезжают, кто куда.

В: А многие из ваших знакомых были высланы?

О: Многие. Вот Тучковы. Потом родня бабушкина — все Путятины были высланы. Была статья, которую сейчас мой родственник нашел, она называлась „Дворянское гнездо“. И вот это дворянское гнездо все было выкинуто. В Саратов, Самару. Они все разехались. Им всем можно было даже без очереди брать билет»³⁴.

Для нашего исследования процесс выселения интересен тем, что в дискурс о политических ссылках вовлечена «городская риторика». Чуждые «элементам» не просто нарушали административное законодательство, они существовали в одном пространстве с передовым пролетариатом, тем самым как бы унижая его. Они маркировались не только как социально чуждые, но и как «чужие» для самого города. Город, завоеванный

пролетариатом, и названный пролетарским, взывший имя пролетарского вождя, выталкивает «...жителей богатых бельэтажей на Невском, Морской и Сергиевской...»³⁵. Рабочие воскликают на собраниях: «Им не место в Ленинграде!», «Не дело нам жить в одном городе!». (Эта практика в дальнейшем активно использовалась режимом, наказывающим девиантов лишением права проживания в определенных населенных пунктах.) Другой рабочий, занимающий Квартиру в доме, где когда-то жили Юденич и Корнилов, обеспокоенный тем, что «кое-кто из их приспешников умудрился получить паспорта и живет в доме до сих пор», призывает на страницах газеты: «Мы должны участвовать в этой работе. Мы должны особенно внимательно присматриваться к своим соседям по дому, чтобы ни один последний капиталистов и помещиков не остался в нашем пролетарском городе»³⁶. Такие письма в газеты (которые могли быть и сфальсифицированы) нагнетали психоз доносите-льства и косвенно предлагали выход из тяжелой жилищной ситуации.

Центр города и после «отмены» капиталистических отношений осталась местом конфликта по поводу пространства, описанного исследователями капиталистических городов (Castells). Более того, этот конфликт обострился в период перераспределения городского пространства по новым принципам при сохранявшейся еще социальной неоднородности жителей центра. Власть для разрешения этого конфликта выбрала метод физического устранения одного из агентов. Оставшиеся должны были найти способы совместного сосуществования через при-своение (формальное и неформальное) определенных публич-ных пространств. С одной стороны, это означало подвижность социально-пространственных границ, а с другой — более актив-ную работу по их созданию и укреплению.

Благоустройство окраин

В дискурсе о городе 20—30-х годов доминирует стратегия перераспределения оппозиции «центр-окраина», соответствующей ряду других бинарных оппозиций — «буржуазный — рабочий», «благоустроенный — запущенный», «освещенный — темный» и т. д. Если до революции словосочетание «рабочая окраина» было однозначно отрицательно нагружено, то после революции само прилагательное «рабочая» должно было придать ему по-ложительный смысл. В газетах 1928—1929 годов типичны были рубрики «На рабочих окраинах», «Нужды рабочих окраин», «Очерки ленинградских окраин». Однако «окраина» оставалось

словом унижительным и не подходящим для места обитания пе-редовой части общества: «Скоро, скоро исчезнет из обихода обидное, пренебрежительное слово „окраина“. Не должно быть окраины в социалистическом центре»³⁷.

Уже в конце 20-х годов делаются попытки ввести другие, более положительно маркированные «коды». Киров в своем докладе в 1931 году говорит о «рабочих новостройках»³⁸. В конце концов, утвердился нейтральный термин «район»: «Бы-лая окраина Невской заставы становится одним из самых кра-сивых и художественно-оформленных районов города Лени-на»³⁹, линии метро должны соединить «старый центр города с новыми районами»⁴⁰.

После обращения в 1931-м ЦК ВКП(б) ко всем партийным, комсомольским и профсоюзным организациям Ленинграда с призывом превратить Ленинград в образцовый социалистичес-кий город вопрос о не социалистическом по структуре центре возник вновь⁴¹. Но на «перекраивание» центра по стандартам соцгорода по-прежнему не было средств, да и отношение высшей власти к историческому архитектурному наследию в начале 30-х годов стало более терпимым. В плане по реконструкции и расши-рению города «Большой Ленинград», разработанном Ленинград-ским Откомхозом, было «избегнуто сверх-левое отношение к городу, как к буржуазному исчадию, которое подлечит немедленному раз-рушению»⁴². Хотя город по-прежнему остается ареной борьбы «за новую культурную жизнь», антагонизм между «колыбелью ре-волюции» и социалистической городской идеологией был снят. Решено было придать городу социалистический облик за счет строительства «образцовых пролетарских районов» на окраинах: «Новая стройка совершенно не коснется центральных районов. Все силы, все возможности, все различные средства будут вло-жены на создание новых рабочих районов, на создание новых жи-лищных массивов при крупных предприятиях»⁴³.

В газетах рабочие районы провозглашают «городом» (мно-гие из них действительно вошли в городскую черту), что от-ражает стремление показать растущую степень цивилизованно-сти: «Раньше был город и были окраины — пустынные, заброшенные, лишённые света и воды. ...В последние годы ок-раина умирает, она перерождается в город»⁴⁴. Но в описаниях корреспондентов и мнениях жителей рабочие районы и «город» остаются разными понятиями, потому что «город» приравни-вается к «центру» (типичные высказывания: «за маслом в го-род приходится ездить», «остановка трамвая из города»).

Многие наши информанты, особенно проживавшие в 30-е

годы в рабочих районах, говорят о существенном различии между центром и частями города, которые они называют «рабочими», «окраинами» или даже «пригородами».

«Какой здесь был город, здесь пригород был... <огород> у многих. И многие коров держали и поросят. Это пригород был. ... Это теперь здесь город, а тогда что...»⁴⁵

Я же говорю — Волково деревня. Где Волково кладбище было, Московский район — окраина... огороды огорожены... Вот Выборгский район — тоже окраина... И Ярославский тоже и Скобелевский проспект... Вот такие окраины, окраины...»⁴⁶

Превращение «деревни» в «рабочий район» с перспективой стать «городом» означало, прежде всего, вытеснение аграрного производства промышленным, то есть изменение структуры занятости населения, и повышение благоустройства района. В качестве примера такой успешной трансформации приводится Охта. До революции Охта была самостоятельным поселком — местом, где жил «темный, разрозненный и хмельной ремесленный». Новая Охта выглядит иначе: центр района — завод, хозяин — рабочий⁴⁷. Другой не менее важной составляющей урбанизации была культурная революция: «Очаги культуры щедро распределяются по всему городу, в рабочих районах, на окраинах. В Ленинграде нет больше окраин»⁴⁸.

Подобная «карьер» была и у Нарвской заставы. Автор статьи в «Ленинградской правде» показывает, что «новые районы» не имеют ничего общего с «заставами», «слободами» и т.п., кроме по-прежнему населяющего их рабочего населения.

И почему это застава? Нет старых домов. Нарвская молодежь не знает даже прежних названий улиц. И вообще, навсегда ушло старое. Новый проспект. Новая улица Стачек... Новые Тракторные и Литейные улицы, новые городки. И клубы, и больницы, и школы, и Дома культуры...

В интервью с Алексеем Константиновичем хорошо описывается изменение статуса Волковой деревни, которая, конечно, продолжает различаться от центра — «города», но приобретает образ «рабочего района» в течение 30-х годов.

«Отличительная черта, когда уже началась индустриализация страны, можно считать, что это был рабочий район. Жили, в основном, рабочие, потому что основная культурная масса людей жила, конечно, в городе».

Перед градостроителями ставилась задача сделать рабочие районы более удобными, благоустроенными, красивыми и, следовательно, престижными и значимыми, чем старые, доказать, что «пролетарское — значит лучше». Предполагалось сравнить рабочие районы по уровню комфорта проживания с центральными при соблюдении важного принципа советского городского планирования — организации всей городской жизни вокруг промышленных предприятий. При разукрупнении районов Ленинграда в 1930 году (вместо 6 было образовано 8 районов) карта города преобразуется таким образом, чтобы увеличить число районов, обладающих промышленными гигантами: Нарвский - 3-ды «Красный Путиловец», «Красный треугольник», Судостроительная верфь, «Знамя труда», ф-ка «Равенство»; Московский - ф-ка «Скороход», 3-д «Электросила», ф-ка «Пролетарская победа», трампарк им. Соколовой, завод Марти, «Большевичка»; Ленинский - ф-ка им. Держинского, Гознак, ф-ка Володарского; Смольнинский - ф-ка Халтурина, 3-д «Красный судостроитель».

Жилищное строительство начинается с середины 20-х годов и, в основном, сосредоточивается в Володарском районе (на улице Ткачей, на улице Стачек), в Выборгском районе (в Бабурином переулке, Батенинский и Кондратьевский жилмассивы), Московско-Нарвском (Щемиловка, Турбинная улица, Автovo), на Крестовском острове, строятся жилищные комбинаты у Путиловского завода, «Электросилы», «Большевика». Результаты трансформации окраин зафиксированы в одной из ленинградских газет 1930 года: «Сейчас уже карта (города) не та. 13 лет революции ее заново переконали. Классовое перераспределение жилплощади, застройка пригородных пустырей на окраинах, новые рабочие поселки и городки возникли вблизи крупных заводов и фабрик»⁵⁰.

Поскольку концепция приватности отсутствовала в новой жилищной идеологии, то основным критерием оценки жилищной ситуации оставалась жилищобеспеченность, а не количество проживающих в отдельных комнатах и качество жилья. По данным на 1930 год, средняя норма жилплощади по городу составляла 7 кв. м⁵¹. Но из-за специфики доставшегося в наследство жилого фонда разброс приходящегося на человека метража в разных районах был значительным: «Жилищный фонд Ленинграда имеет ту особенность, что он весьма неудобен для заселения по норме. Значительное количество больших комнат заставляло давать льготы на излишки и допускать всякого рода отступления от практики других городов. Таким образом, в центре города мы имеем до 9 кв.м на душу, тогда как рабочие

районы переживают жилищный кризис, и средняя душевая норма по отдельным участкам здесь доходит до 3,5—4 кв.м». Рабочие продолжают жить хуже всех, и наиболее стесненные условия у рабочих, проживающих в рабочих районах (Володарском, Нарвском, Московском, Выборгском)⁵². Рабочие на окраинах, даже после переселения части их в центральные районы во время жилищного передела и уплотнения жилищ центральных районов, продолжали сидеть на «голодной норме» жилищной площади. В 1929 году 85% рабочих семей на «Красном Путиловце» имели меньше санитарной нормы. «Однако, в смысле характера жилища, положение безусловно удовлетворительное. Подавляющее большинство рабочих занимает либо отдельную квартиру (40,5%), либо отдельную комнату»⁵³. Таким образом, теснота в какой-то мере компенсируется большей изолированностью жилища, и в этом смысле жильё в рабочих районах было более комфортным, чем проживание в центре, но в коммунальной квартире.

Обеспечение рабочих хорошим жильём становится задачей политической. По данным статистики, удельный вес нового жилищного строительства (в кв.м) по отношению к старому жилищному фонду составил в 1933—1934-х годах в Володарском районе 27,1%, в Выборгском - 28,0%, в Кировском - 44,4%, в Московском - 35,5%, в то время как, например, в центральном Смольнинском районе - 3,1%⁵⁴. В Батенинском массиве на Лесном проспекте, построенном в 1930-34-х годах, куда въехали около 15 тыс. рабочих «Красной Зари», «Красной нити», «Красного Октября», заводов им. Маркса, Сталина на человека приходилось около 8 метров, и это преподносилось как великое достижение революции⁵⁵. Горожан убеждают в том, что новые рабочие дома во многом превосходят по комфорту и качеству буржуазные: «Рабочий Москвойской заставы получает квартиры в таких домах, которые нечасто встречаются и в центре - В домах городского центра, которые построены были капиталистами, налицо черты частного городского хозяйства - узкие окна, неблагоустроенный, темный, узкий двор...»⁵⁶. К тому же, старая жилая площадь «рассчитана, главным образом, на буржуазного обитателя», поэтому в проектах рабочих новостроек отражены социалистические идеалы обобщественного быта — во многих планируется строительство общих кухонь, столовых, клубов, ясель и т.д. В памяти наших информантов особенно запечатлелось строительство дома для специалистов на Лесном проспекте и возведение новых домов на Крестовском острове.

Успешное благоустройство окраин оценивалось как доста-

точное условие для снижения престижности центра: «И сегодня уж мало сказать, что вековая грань между центром и окраиной снесена. Строительство на бывшей окраине и особенно у Московской заставы идет с таким размахом, что скоро, чего доброго, придется ставить вопрос об отставании центра. Придется сказать смольнинцам и октябрюцам, которые живут в домах Петербурга, окружены этим камнем Петербурга и его архитектурными формами — придется им сказать: — догоняйте улицу Стачек и Международный, Невскую заставу и Московскую!»⁵⁷. Даже Сталин в своей речи на XVII съезде ВКП(б) обращает внимание на то, как сильно изменились облики советских городов, в которых трущобы старого города «заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города»⁵⁸. В этом превосходстве рабочих кварталов над центром символически подтверждалась победа над капиталистическим прошлым. То же утверждение повторяется в резолюции объединенного пленума Ленинградского городского комитета ВКП(б) и Ленинградского Совета от 26 августа 1935 г.: «навсегда уничтожена на противоположность между благоустроенным центром и запущенными рабочими окраинами»⁵⁹. Идеологи градостроительства идут дальше и утверждают, что исторический центр города становится незначим, в то время как истинными центрами являются новые рабочие районы, построенные в соответствии с принципами социалистического города. Таким образом, предпринималась попытка изменить тенденцию моноцентричного развития города и создать город с множеством «пролетарских» центров.

Когда едешь по чисто вымытому асфальту, вдоль подстриженных, густых рядов полуголого кустарника, когда видишь стройное и бойкое движение толпы, привыкшей к авто и трамваям, новые фасады домов, решетки садов, наполненных детьми, надо знать, что это — улица Стачек, а не Невский проспект, что эта улица, длиною в три километра, приводит к Кировскому (Путиловскому) заводу, что одна из самых красивых площадей города это ... площадь Стачек с Нарвскими воротами, стадионом химиков, Домом Культуры, самой большой фабрикой-кухней и еще много с чем. ... Надо знать, таких центров вращено не так уж мало, что так же чисто, опрятно, живо и ново на Международном проспекте, на Выборгской стороне. И что, право — как хорошо, как чудесно, что в этих прославленных рабочих районах постепенно ничего не остается от заплеванного, зашарканного, задританно-

го и ничтожного прошлого, а здесь насаждается и строится по возможности самое хорошее, самое нужное и ценное для культурной, здоровой жизни. ... Периферии дается больше материальных и всех прочих возможностей, нежели центру, да и презренная периферия сделалась нынешним центром»⁶⁰

В плане Ленинграда 1936 года Международный проспект (Московский), ставший гордостью южных рабочих районов, виделся как альтернатива «капиталистическому» Невскому. Вдоль этой магистрали (составившей 10 км) должна была организовываться новая образцовая социалистическая городская среда. Проспекту пытались придать атрибуты центра: строились площади и разбивались скверы (организация публичного пространства), вводились помпезные Дома советов, исполкомы, Дома культуры, кинотеатры (специфика «центральной» архитектуры - в концентрации культурных и культурных сооружений) и т.п. Жилищное строительство в 30-е годы стало более качественным и архитектурно оформленным, монументальные «сталинские» дома, предназначенные, как правило, для высших слоев советского общества, создали стиль проспекта. Нужно сказать, что такое внимание к Московскому проспекту дало свои результаты. По крайней мере, этот район и сейчас может соперничать по престижности с историческим центром города или претендовать на звание «второго центра».

Само понятие «окраина» не исчезло, оно содержательно осталось прежним, но топографически окраина отделилась от центра города. Если до революции рабочие районы автоматически зачислялись в «окраины», закрепляя место проживающего там населения на нижней ступени социальной иерархии, то при советской власти «социальная» и «пространственная» стратификация расходятся. Рабочие стали привилегированной группой, но медленные темпы реконструкции мест их обитания не позволяли «перевернуть» пространственную иерархию так же, как социальную. Окраиной по-прежнему остается часть города, «где нет трамвая, где изухаблена мостовая, где обрывается тротуар», застроенная «хибарками», чередующимися с «капустными полями» и «огородами». Так, на Крестовском острове до самой войны держали коров, коз, поросят, кур, огороды⁶¹. И в 1930-е годы недалеко от площади Стачек сохранилась Вологодско-Ямская слобода, где жили около тысячи рабочих заводов Кировского, Северной верфи. Несмотря на то что она также была включена в черту города, по морфологическим признакам и по образу жизни обитателей она осталась «окраиной».

ЧАСТЬ 2

ОСВОЕНИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЖИТЕЛЯМИ ЦЕНТРА И ОКРАИН

В первой части мы описали мероприятия властей по преобразованию районов Ленинграда. Во второй части мы анализируем, как городское пространство использовалось жителями города. В процессе такого повседневного использования горожане создавали и изменяли городскую среду, внося свой вклад в складывание социально-пространственной структуры. Нашей основной задачей являлась реконструкция практик городской жизни, которые, как мы стремились показать, раскрывают специфику структуры города, особенно в период социальных трансформаций.

Освоение города жителями могло быть функциональным — поездки на работу или за покупками в разные части города. Но нас интересует освоение как процесс, тесно связанный с конструированием горожанами своей идентичности как представителей своей социальной группы и присвоением группой определенных городских локалов. Ключевыми практиками в этом процессе конструирования социальной среды через определенное использование и освоение городского пространства нам представляются построение и поддержание социальных сетей и проведение свободного времени. Таким образом, изучая «потребление города»⁶², мы можем реконструировать один из элементов (вос)производства социальной структуры.

Среди жителей центра и окраин были выделены группы, различающиеся по типам освоения городского пространства: обитатели рабочих районов, осваивающие только окраины; обитатели и центра, и окраин с обширной картой освоенного пространства; и жители центра, не бывавшие на окраинах. Далее мы подробно рассматривали различия по типам построения социальных сетей и культурного потребления (в том числе городского пространства) между этими группами и внутри этих групп⁶³.

Интенсивная миграция начала 1930-х годов являлась одним из основных факторов, определивших специфику социального и культурного ландшафта Ленинграда в этот период. Кроме того, необходимо отметить значимость для города и предыдущей волны миграции — притока крестьян в начале века для работы на заводах и фабриках, которые в основном и составляли большую часть населения рабочих окраин. Поэтому необходимо отдельно отметить специфику мигрантов как жителей города.

Исследователями адаптиации мигрантов из деревни к го-

родским условиям Дж. Абу-Лугод описывает два типа мигрантов, которые сталкиваются с различными проблемами в процессе адаптации. К первому типу относятся «сливки общества». Это одаренные молодые люди с карьерными устремлениями, которые переезжают в надежде на возможность получения образования. У них есть и стремление, и способность к быстрой ассимиляции к городской культуре. Из общего числа мигрантов они менее многочисленны, чем второй тип, к которому относятся «неразборчивые» мигранты, которые вынуждены уехать в силу обстоятельств, например, из-за бедности и невозможности прокормить семью в деревне. Они имеют меньше способности к ассимиляции и пытаются создать по приезду в город комфортный мир, подобный оставленному ими в деревне⁶⁴. В целом в исследованиях миграции в качестве основных причин и мотивации миграции называют «выталкивание» и «притяжение» («push and pull»). Те же причины способствовали миграции в Ленинград в послереволюционные годы. Так, Марина Витухновская в статье, посвященной взаимодействию между коренными жителями Ленинграда и мигрантами в 1930-е годы, показывает, что приехавшие в город в этот период делились на «бежавших» (от голода, от коллективизации, от преследований и т. д.) и «привлеченных» (огнями большого города)⁶⁵. Основную массу составляли молодые люди трудоспособного возраста: число горожан в возрасте 16—39 лет возросло почти в два раза с 1926 по 1933 гг.⁶⁶ Мы предполагаем, что «привлеченными» в город были, в основном, выходцы из образованных слоев, переехавшие из маленьких городов и поступившие в ВУЗы. Среди крестьян, приехавших в город, преобладали «бежавшие» от тяжелых условий жизни в деревне. Большинство «бежавших» пытались скорее воссоздать свой прежний комфортный деревенский мир, чем стать горожанами. Однако и среди них выделялись карьерно ориентированные и одаренные личности, безуспешно пытавшиеся стать подлинно городскими жителями. Ниже на конкретных примерах из интервью мы рассмотрим, как стратегии мигрантов сказывались на организации повседневной жизни и досуга и на освоении ими пространства города.

ОБИТАТЕЛИ РАБОЧИХ РАЙОНОВ

Рабочие-горожане и недавние мигранты

Часть семей потомственных рабочих жили в рабочих районах с дореволюционных лет и работали на заводах, и в

1920-е — 1930-е годы продолжали жить и работать там же. Не меняя ни адреса, ни места работы, они превратились из низостатусных обитателей застав и окраин в жителей новых районов социалистического города, имевших многие привилегии и возможности благодаря пролетарскому происхождению.

Для коренных жителей бывших окраин характерно компактное расселение расширенной семьи на одной территории, близкое общение, солидарность и взаимопомощь родственников разных поколений.

«Мы жили с семьей на территории завода „Северная верфь“... Папа мой Константин Петрович работал с основания этого завода, поэтому мы и жили на территории завода.

—А кем он работал?

—А он был мастер. Затем он был начальник цеха, и так вот на протяжении многих лет мы там проживали. Нас было трое детей, мама с папой. <...>

Мама родилась в 1889 году, папа в 1877. Ну а родные ее и папины, они все жили в Петербурге, работали на различных работах. Один брат работал даже в том же цехе, где я работал. А мамыны братья — кто на какой работе, но общались. <...> У нас такие приемы делались, я так и вспоминаю — скромно жили, а такие праздники — Новый Год, дни рождения, Пасха, Рождество отмечали... Бабушка жила в этом районе, часто заходила к нам проводить маму, мы к ней ходили. <...>

Жилищные условия, я скажу, были у нас приличные. Поскольку мы жили на казенной квартире, папа даже не оплачивал, поскольку он работал на этом заводе. Ему была предоставлена квартира из трех комнат, для нашей семьи. <...>

—Соседи Ваши по дому были кто — тоже с этого предприятия?

—Да, это называлось колония мастеров. Там были начальники цехов, старший главный бухгалтер, управляющий. <...>

У нас во дворе был свой оркестр — гитара, мандолина, балалайка. Все друзья — музыканты, ну, такие, как я <...>.

...Я решил поступить на тот завод, где работал мой папа. Там и брат старший работал, и мама по общественной линии... с детьми, в школе и при клубе нашем. Поступил я токарем, но не очень долго работал токарем — меня избрали на комсомольскую работу»⁶⁷.

Значимой была роль соседей в социальных сетях коренных жителей. Соседско-дружеские сети создавались в процессе совместного освоения пространства — например, детских игр во дворе, походов в магазины и просмотра за детьми, совместной работы и спортивных игр. Для таких семей характерна преемственность

профессиональной деятельности и преемственность круга общения от старших поколений к младшим. Также характерно «перекрестие» социальных ролей, то есть коллеги с завода являлись также соседями, часть соседей были родственниками, дети соседей, знакомые с детства, позже становились коллегами. Таким образом, при заводах формировались относительно замкнутые микросообщества, существовавшие несколько десятков лет.

Мигранты из деревни также редко приезжали в город «на пустое место». Чаще всего их вызывали родственники либо друзья, обычно земляки, уехавшие в город ранее. Многие наши информанты рассказывали о том, что сначала останавливались у родственников, которые помогали с пропиской, иногда помогали найти работу на черном рынке труда, женщины рассказывали о том, что работали у родственников или просто земляков домработницами или нянками. В дальнейшем вновь приехавшие находили жилье и работу, но, не зная хорошо города, они предпочитали быть ближе к своим знакомым, поэтому часто они устраивались на те же предприятия, на которых работали их родственники, земляки, друзья (на многих фабриках и заводах было легко получить работу). Этим можно объяснить формирование землячеств в новых районах. Можно отметить, что в социальной сети мигрантов, живущих в рабочих районах, ближайший круг общения составляли соседи и коллеги, так же, как и у коренных жителей, но место старших родственников в этих сетях занимали земляки-ровесники. С земляками же нередко заключались браки. В компании таких же мигрантов проводили свободное время, отчасти воспроизводя привычный деревенский образ жизни. Цитата из интервью с женщиной, приехавшей в Ленинград в конце 20-х годов.

«— На фабрике работало девчонок много наших тверских, калининских. Зайдем, там же в Невском районе сад Бабкин есть⁶⁸, Бабкин сад, зайдем за березы... Ты-ны-ты-ны-ны язык, ком, и плясать. Вот, чем занимались. Много девчонок было из Ледин, и Кузьминские...

—Из этих же деревень, то есть?

—С наших деревень, да. Друг по дружке так и узнавали. (...)

—А с ленинградцами Вы общались?

—Нет, все были родные-знакомые. Тетя у меня была, на 12 лет. Папина родная сестра... Да, с родными. А так я не общалась⁶⁹.

Итак, если сравнить композицию социальной сети и организацию повседневной жизни коренных жителей окраин и мигрантов, можно заметить, что общим моментом является

наличие соседей и коллег в числе ближайшего круга общения, и большое значение места проживания (дома, двора) для знания, формирования сети. Различия между ними в том, что в организации быта коренных жителей больше значение имеет участие родственников старших поколений (расширенной семьи), старшие родственники также более информированы о жизни младшего поколения. Социальная сеть семей коренных жителей оплечена большей внутренней сплоченностью, то есть все знакомые одной семьи связаны также между собой, можно предположить, что эта сеть представляет собой «клубок» социальных связей, где каждый знает каждого. Сеть мигранта отличается меньшей устойчивостью и постоянством; люди в его сети меньше связаны между собой.

Элизабет Ботт, изучавшая взаимосвязь структуры семьи и ее социальных сетей, указывает, что на композицию и плотность сети влияют множество факторов⁷⁰. Например, плотная социальная сеть (то есть представляющая собой «клубок», где все знакомы со всеми) характерна для семей и отдельных людей, живущих всю жизнь в одном районе, где социальный состав соседей гомогенный (по уровню образования, профессиональной деятельности). В таких случаях часто встречается и перекрывание социальных ролей, например, родственники могут быть одновременно и соседями, и друзьями. Композиция социальных сетей влияет на структуру семьи. Так, для семей, живущих таким образом характерно жесткое разделение обязанностей между мужем и женой, также разделение мужских и женских кругов общения, мужского и женского досуга. Большое значение имеет укорененность в месте проживания: в случае переезда в другую местность разрушаются социальные контакты, изменяется структура семьи и весь уклад повседневной жизни. Этим объясняется сильная привязанность к территории, что приводит также к невысокой социальной мобильности. Подобный тип социальности иллюстрируют наши интервью с коренными жителями окраин. (социальность мигрантов в нашем случае представляет собой переходный тип. Мигранты не имеют устойчивой родственной с соседской сети, подобной коренным жителям, но они (особенно приезжие из деревни) тяготеют именно к такому способу организации повседневной жизни.

Работники сферы обслуживания, которые, как правило состояли в родстве с заводскими рабочими, разделяли их происхождение и образ жизни, были интегрированы точно так же, как и рабочие, в местные сообщества. Поэтому в качестве отдельной группы обитателей окраин мы их не рассматриваем, но в цент-

ре города, как будет показано ниже, они представляли собой группу, отличающуюся достаточно сильно от других жителей.

Рассмотрение имеющихся у нас интервью позволяет предположить, что коренные жители рабочих районов и мигранты принадлежали к различным микросообществам, то есть ближайший, постоянный круг общения коренных составляли коренные, а у мигрантов — мигранты. Однако среди более отдаленных знакомых всегда имелись и коренные, и приезжие. Можно сказать, что жители рабочего района формировали одну социальную среду. Важным объединяющим моментом для всех жителей рабочих окраин являлось использование инфраструктуры района, особенно досуговой.

До начала бурной реконструкции рабочих районов места внебюджетного времяпрепровождения ограничивались домом, церквями, пивными и огородами летом. Письма в газеты и статьи корреспондентов сообщают об «однообразном и монотонном быте»⁷¹ рабочих окраин: «Заброшенный наш район... некуда деться после работы... нет клуба, нет кино. В город идти — далеко»⁷². Изменения районов по социалистическому образцу начали трансформацию и этих «культурных учреждений»: вместо разрушаемых церквей строятся клубы, на месте пивных и трактиров сооружают школы, детские консультации, дворовое общение заменяется собраниями и лекциями, устраиваемыми культурно-бытовой комиссией в Красном уголке при ЖАКТе.

Нарвская застава! Только, пожалуйста, по Нарвским воротам ее узнал бы человек, не живший нескольких последних лет в Ленинграде. Налево, где стоял трактир «Стоп-сигнал!», «Распивочное на вынос. Свежие раки» — теперь гигантский Дом Культуры. Направо — вместо конкурента «стоп-сигнала», портерной — другой гигант — Нарвская фабрика-кухня.

Некоторое время новые и старые места проведения досуга продолжают сосуществовать. После смены рабочие шли не в клуб, а в «свою» пивную. Если в клубе была «фильма», то из пивной они могли зайти и на сеанс. Так, рабочие Нарвской заставы вечерами мигрировали «из пивной — в ДК, из ДК — в пивную»⁷⁴.

Появляются места, которые предназначены специально для рабочих или работников какой-либо отрасли, например, «сад отдыха совторгслужащих». Для придания какому-либо месту города того или иного статуса, большое значение имеет «культурность» этого места, заведения. Например, пивные считаются

ся разлагающим местом. На их месте открывают «культурные чайные», распитие пива пытаются заместить «культурным отдыхом»: «Рабочему необходимо культурное развлечение. Ему нужен культурный отдых и еще ему надо учиться...»⁷⁵.

Политика государства (профсоюзы, партия, комсомол) стимулировала жителей рабочих районов к культурному освоению не только рабочих районов, но и центра. Особенно это проявилось в период культурной революции и кампании за воспитание культурности. Всячески поощрялись культпоходы в театры, музеи, кино, на лекции. Обычно рабочим бесплатно выдавали билеты или абонементы на спектакли и киносеансы. Надо заметить, что политика государства в отношении «культурования» рабочих была противоречива: рабочих стимулировали к «освоению центра», но в то же время было сделано все для того, чтобы такой потребности не возникало, пропагандировалось, что досуговая инфраструктура новых районов настолько не уступает имеющемуся в центре. Например, «Красная газета» в 1934 году гордо сообщила, что «очаги культуры щедро распределяются по всему городу, в рабочих районах, на окраинах. В Ленинграде нет больше окраин. <...> Для того, чтобы посмотреть хорошую постановку Москвы и Ленинграда, не всегда нужно направляться в центр города. Семь крупных Домов Культуры выросли за эти годы на рабочих окраинах. Сюда в первую очередь направляются лучшие актеры и выездные спектакли ленинградских и московских театров»⁷⁶.

Интенсивно работающая уже в середине 1930-х инфраструктура бывших окраин способствовала тому, что рабочие имели возможность полностью ограничить пространство своего обитания одним районом. Досуговая инфраструктура, которая была одинакова во всех этих районах, состояла из Дома культуры, сада отдыха при доме культуры, рабочих клубов, кинотеатров, или кинозалов в клубах, спортивных залов и стадионов (назы-и-к-мых «комбинатами культуры»), кафе, при заводах существовали также кружки по интересам. Намечается тенденция к культурной изоляции рабочих районов.

Если внимательно взглядеться в схему района, видно, что каждый район города представляет собою законченное целое со своим Домом культуры, парком отдыха, районным театром и кино.

Часть жителей рабочих районов и не стремились к освоению досуговой инфраструктуры центра города. Это было связано и с оборудованностью района всем необходимым, и с их

собственной социальной и культурной диспозицией, и с тем, что пространственная удаленность и дороговизна проезда до центра, даже при желании рабочих воспользоваться выданными билетами, их останавливала.

Нежелание многих рабочих ездить в центр можно объяснить и тем, что доступные возможности развлечения, имеющиеся в новых районах, значительно больше соответствовали их потребностям, интересам, запросам. То, что было доступно только в центре, не было для них чем-то особым, ради чего стоило бы предпринимать длительное и дорогое путешествие в центр. Потребности в культурном потреблении обитателей рабочих районов Ленинграда 1930-х годов иллюстрирует тезис П. Бурдые о наличии у выходцев из беднейших слоев общества «вкуса к необходимости»⁷⁸. Этот вкус проявляется, когда исчезают структурные условия, обуславливающие скромные (не от хорошей жизни) потребности, и появляется возможность более разнообразного потребления. В таких ситуациях, люди, имеющие определенную потребительскую диспозицию, отказываются от вновь появившихся возможностей. Сформировавшийся в процессе социализации вкус мешаает им приблизиться к более «роскошному» живущим социальным группам. Так, не все рабочие хотели посещать театры, расположенные в центре. Еще менее привлекательными представлялись им музеи, опера, филармония. Например, одна из респонденток описывает свои впечатления об опере, куда она попала, получив бесплатный билет, как о чем-то скучном, не интересном для нее.

«Помню, дали нам билеты — „Царскую невесту“ посмотреть. А нам и не интересно было. Нет, нам не интересно. Чего мы сможем? Решили, больше не пойдем никогда. „Царская невеста“... Пришли мы в театр, там кругом зеркала, эта „Царская невеста“, да опера. Мы стали...».

Она же описывает более привлекательные для нее альтернативы проведения свободного времени.

«В кино ездили, в „Гигант“ на Кондратьевский. А у нас при заводе Ленина был очень хороший клуб. Там кино ставили. Что в кинотеатре идет, то и на заводе, и здесь дешевле напловину. В клуб ходили. И кино посмотрим, и танцы...».

Многие жители окраин чувствовали себя в центре города дискомфортно. Принадлежность к своему району была частью их идентичности, и некоторые, путешествуя в центр, чувствовали себя в нем чужими. Характерно высказывание одной из

информанток: «мы же все рабочий класс, мы жили у завода, а интеллигенция в центре жила»⁸⁰. Путешествие в центр было для них сродни вторжению в незнакомый и даже враждебный мир, живущий по иным правилам. Особенно дискомфортно чувствовали себя в центре мигранты из деревни. Привыкшие проводить время на природе, в малоозелененном городе, подобию „каменному мешку“, они чувствовали себя потерянными. Окраины, которые изобилуют парками, садами, огородами, были для них более близкими и знакомыми.

«— Наш дом считался как от завода Ленина, но там много жило не заводских. <...> Мы все в коридоре, на гитаре играем и песни поем.

— Значит, Вы все время проводили в этом районе?

— Да, да, да.

— А в центр, на Невский ходили гулять?

— На Невский мы не очень-то ходили. Там неинтересно, чего там на Невском. А мы, если кто-нибудь возьмет гитару, можно и петь, и танцевать. А так не тянуло на Невский, Невский не прельщал нас никак.

— Как часто бывали Вы в центре?

— Нет, в центре не общались»⁸¹.

Освоение досуговой инфраструктуры центра было одним из признаков «культурности», оно вошло в «джентльменский набор» истинного пролетария 1930-х годов. Но для многих мигрантов сам по себе переезд в город был положительным изменением в жизни, принесшим улучшение бытовых условий и материального положения. Средняя масса мигрантов, найдя жилье и работу в новом районе Ленинграда, уже не стремилась к дальнейшему изменению своей жизни. Коренные жители имели больше сил и стартовых возможностей для дальнейшей административной карьеры, либо учебы, которые означали бы переезд в центр, но сильная интегрированность в семейно-дружеские сети на окраине делали перемещение не привлекательным. Создание досуговой инфраструктуры при заводах только усилило замкнутость существования коренных рабочих, их привязанность к территории. Необходимость для выезда за пределы своего района отсутствует, если совершаются поездки, то в компании друзей, как «туризм», также одним из поводов выезда в город были посещения театров. Таким образом, фактически многие потомственные жители рабочих окраин также жили на одной освоенной территории, не стремясь «завоевать центр».

«У нас в комсомоле было очень интересное времяпрепровождение»

дение — мы организовывали походы в пригороды, военные походы. У нас были кружки при клубе — гимнастические, хорошие. Были у нас, конечно, коллективные походы в театр, в кино. И прочие такие развлечения. <...> В какой-то мере мы жили замкнуто — завод, дом, комсомол»⁸².

«Рабочая интеллигенция»: специфика культурного потребления

Среди жителей рабочих окраин выделялась группа «рабочих интеллигентов», которых можно назвать целевой группой и «продуктами» кампании культурности. В нее входили коренные жители рабочих окраин, потомственные пролетарии и наиболее способные и целеустремленные из мигрантов, имевшие удачную производственную или партийную карьеру на заводе, уже зачастую переставших быть рабочими и занимавшихся больше административной работой⁸³. Это была и наиболее мобильная группа социально и пространственно, с наибольшей «картой» освоенного пространства. У них были стремление и материальные возможности для культурного потребления и на окраинах, и в центре. Постоянно проживая в рабочих районах и пользуясь его инфраструктурой и всеми возможностями, они также были людьми центра, и все больше становились ими. В центре сосредоточивались культурные учреждения, памятники архитектуры, к которым стремились рабочие интеллигенты. Для них участие в жизни центра было символом их внутреннего роста, «культурности».

Освоение двух социально и культурно различных пространств — и центра, и окраин — отражало их двойственное положение в социальной структуре. С одной стороны, они nasledовали рабоче происхождение, с другой — усвоили культурные ценности старой интеллигенции и «бывших». Например, один из интервьюируемых, Анатолий Александрович в 30-е годы жил в Озерках. Они с женой часто ходили в клуб Орлова рядом с заводом «Светлана», куда им на заводе давали недорогие или вовсе бесплатные билеты на выездные спектакли, лекции, танцы. Другое «культурное место» — Выборгский ДК, находящийся в другом, тоже рабочем, районе. А на выходные целый день проводили всей семье в центре.

«Мы не имели понятия отказать сходить себе в театр ... Мы практиковали даже такую вещь — допустим, в Пушкинский на дневной спектакль берем билеты, всей семьей идем. После спектакля идем, там напротив ресторан „Нева“ ... Там днем сто-

ловские цены, понимаете? Значит, там пообедаем, чтобы дома не возиться. Потом пешком пройдемся... по Садовой, выйдем в этот сквер, где Русский музей, погуляем здесь или в Летний сад зайдем, потом через Троицкий мост перейдем, и там садимся, допустим, на трамвай и едем домой»⁸⁴

ЖИТЕЛИ ЦЕНТРА

Рабочие

Организация повседневной жизни, быта, досуга, композиция социальных сетей рабочих, занятых на фабриках и заводах, расположенных в центре, были близки к примеру рабочих интеллигентов, живущих на окраинах. Их карта освоенного пространства города включала и центр, и новые районы. Некоторые отличия в организации повседневной жизни и композиции социальных сетей можно объяснить их жилищной ситуацией и социальной гетерогенностью центра.

Часть семей потомственных квалифицированных рабочих продолжала жить в дешевых квартирах доходных домов центра. Но значительную часть рабочей силы в 1930-х составляли мигранты. По статистике, число рабочих, проживающих в центре города возросло с дореволюционных времен в несколько раз: в 1910 году в центре проживало 14,7% рабочих, в 1926 — 21,5%, в 1932 — 60% (Смолянский, Октябрьский, Петроградский, Василеостровский)⁸⁵. Васильевский остров был заселен на 70% рабочими, а также их семьями⁸⁶. Рабочим-мигрантам предоставлялись компании в расселенных, либо «уплотняемых» коммунальных квартирах, их социальное окружение в коммунальной квартире и в доме часто было если не враждебным, то чуждым. В социально однородных коммуналах соседи порой помогали друг другу в быту, проводили вместе свободное время (особенно Женщины-хозяйки). Но даже для тех, кто проживал бок о бок с социально близкими людьми, также рабочими, место соседей в социальной сети было значительно меньшим, чем у жителей окраин. Значительную часть функций, выполняемых в «общинах» рабочих окраин соседями, здесь выполняли коллеги. В особенности это относится к введению свободного времени.

Дружеские контакты завязывались в первую очередь на производстве, на учебе — в ФЗУ, в бригаде на заводе, в кружках, рабочих клубах. Жизнь в центре давала меньше возможностей мигрантам-рабочим для воспроизводства деревенского образа жизни, к тому же организуемые заводами культурные меро-приятия стимулировали их быструю интеграцию⁸⁷. Для рабо-

чих-мигрантов, поселившихся в центре, наиболее характерно проведение свободного времени с товарищами по бригаде, как это описывает одна из интервьюируемых.

«У нас, например, была бригада, одна молодежь. Вот собирались вместе, были домашние вечера. Ходили в клубы, на танчики ходили. <...> Я на станке работала, я очень любила свою работу, токарный станочек. Тогда было такое время, все молодежные мальчишки, девчочки были токарями. Так интересно было — молодежные бригады, очень хорошо. Зимой кросс в выходной день. Ездили за город всей бригадой, очень интересно было»⁸⁸.

Рабочие, живущие в центре, особенно проживающие в коммунальных кварталах, а не в общежитиях, фактически не чувствовали дистанции с рабочими-ленинградцами, также менее значимой для них была идентификация с земляками. Важную роль в их интеграции играла гетерогенность социальной среды центра. В садах, парках, кафе, кино, клубах, театрах они сосуществовали в одном пространстве с представителями различных социальных групп, и это превращало их в жителей большого города, равноправных со старыми жителями центра. По карте освоенного пространства рабочих, живущих в центре, можно считать, как и «рабочих интеллигентов», промежуточной группой. Нередко имея родственников и друзей, поступивших на работу на предприятия, расположенные в рабочих районах и поселившихся там же, они чувствовали себя хорошо в центре, но также использовали хотя бы иногда досуговую инфраструктуру окраин.

«← Какие районы Вы больше любили, чему отдавали предпочтение — рабочие районы, центр?»

— Не знаю, мне все нравилось тогда. Я уже город знала весь хорошо. Старый город знала, часто гулять ездила везде. Девчонкой очень часто ходила в Народный, тогда в Народном было интересно, была публика разная. Вот был Таврический сад, ходили туда гулять — там аттракционы были разные, танцплощадки. А в Народном⁸⁹ другая уже была публика, тут уже более аристократичной была публика. <...> Некультурнее, повежливей, одевались уже по-другому. Подразделялось, было различие какое-то. Довольно часто ходила я... По всякому гуляли — собирались в клубах. Раньше был Лесной парк, я туда на Выборгскую ездила к подружке, там было очень весело — вот этот парк. Теперь не стало ни гуляний,⁹⁰ ни гитар, ничего. А раньше музыка была, в парках танцевали».

Обитатели центра, не работавшие на промышленных предприятиях, не использовавшие созданную для рабочих досуговую инфраструктуру, обычно не бывали на рабочих окраинах. Среди тех, чье пространство обитания ограничивалось центром, мы находим группы совершенно различные по социальному происхождению, образованию, месту в социалистическом обществе.

Мало- и невалифицированные работники сферы обслуживания

Особый образец организации повседневной жизни и досуга представляет группа не- или маловалифицированных работников физического труда и сферы обслуживания, не работавших на заводах и фабриках и не охваченных волной индустриализации и культурной революции. Часть этой группы составляли коренные жители центральных доходных домов, имевших небольшие отдельные квартиры в этих домах. Их социальная сеть состояла из соседей, прежде всего, живущих в том же дворе и близости. Социальная сеть создавалась наподобие «снежного

КОМА» из друзей друзей и друзей соседей, имевших тот же социальный статус. Образец построения социальной сети и организации досуга иллюстрирует интервью с В. А. Белокопытовой. Ее отец до революции работал закройщиком в бельевом магазине Готлиба, после революции — завскладом в «Ленинград-одежде». Его семья, состоящая из него, жены и трех дочерей, живет сначала на окраине, в районе Удельной. Около 1915—1916 года семья переезжает в доходный дом в центре, недалеко от Таврического сада. В результате переездов и неурядиц первых лет революции дочери успевают закончить лишь несколько первых классов школы, этим ограничивается их общее образование. Во время НЭПа мать и дочери работают в частном секторе — шьют, продают пирожки на рынке, вяжут чулки и т.д. Одна из сестер в течение 1930-х несколько лет работает на фабрике «Красная нить», две другие сестры работают в сфере обслуживания (уборщица, парикмахер). По рассказу Веры Александровны, круг друзей семьи формировался из числа соседей, из них же выбирались супруги, соседи помогали в поиске работы и т.д.,

«А у нас, так как мы уже все подросли ... в доме у нас мальчишки были хорошие в этом доме, все воспитанные, никто похабщину не говорил, все хорошо были воспитаны люди. Мы стали собираться компанией в доме, компания стала собираться. Стали приходить с гитарами, с мандолинами, кто с гармонями, стали плясать, танцевать в квартире у нас. <...> Мы пля-

сали. <...> Стала петь помаленьку. <...> Потом за сестренкой стал ухаживать повар, внизу жил, Петя его звали. Вот, ну и полюбились они оба друг друга. Потом за [второй] сестрой стал ухаживать, жили во дворе два брата, один был Толя, другой — Петя. Петя влюбился в мою сестру Тоню, среднюю. <...> Он водопроводчиком работал. <...>

Я после смерти отца взяла развод с мужем. <...> Куда-то надо устраиваться на работу! А у нас во дворе работал парикмахер дамский, дядя Саша его звали, он работал на Староневском, и как-то мне во дворе и говорит: „Слушай, Верунька, дай тебе на работу устрою <...>. День будешь уборщицей рабобогать в парикмахерской, подавать нам горячую воду, подметать все один день — кассирша выходная, будешь зарплату получать“. И оформили меня, дали зарплату 65 рублей».

Отличие этой группы от рабочих, занятых на предприятиях, в том, что, во-первых, коллеги фактически отсутствуют в сети общения. Досуг проводится с соседями и родственниками. Во-вторых, эти люди не были включены в типичное для рабочих культурное потребление. Ими не посещаются рабочие клубы, танцевальные вечера в рабочих клубах, кружки, спортивные секции, лекции и т.д. Значительно реже посещают кино, театры. Иногда участвуют в мероприятиях, организованных ЖАК-Том, например, одна из интервьюируемых упоминает, что «была самодеятельность при ЖАКТе, в ЖАКТ ходила, танцевала»⁹¹. Квартира, лестница, двор, ближайший парк — основные места действия. Характерно высказывание этой же информантки на вопрос о различиях в районах города: «Ну почему я знаю, — по другим районам не ходишь!».

Их отличие от других обитателей центра в том, что «культура центра» полностью отсутствует в их риторике. Архитектура города, музеи и многие возможности культурного потребления, предоставляемые в центре, ими используются мало, в отличие и от заводских рабочих, и от интеллигенции. Можно заметить, что этот слой населения Ленинграда 1930-х годов, оставшийся неохваченным культурной революцией, более всего сохраняет преемственность с дореволюционным образом жизни.

Мигранты из деревни, живущие в центре и работающие в сфере некавалифицированного физического труда, но не на фабриках и заводах, например, деревенские женщины — домработницы, уборщицы и т.п., больше тяготели к соседским связям. Так, в случае поселения в коммунальную квартиру с однородным

социальным составом соседи начинают играть огромную роль в их социальной сети. Но двор для них не функционирует как публичное пространство, место проведения свободного времени и приобретения новых полезных знакомств. Это объясняется боязнью города, чувством своего отличия от коренных ленинградцев и тягой к землякам, либо при отсутствии таковых, к таким же как они сами, мигрантам из деревни.

При отсутствии возможности создать «общину земляков» по месту жительства, мигранты знакомились со «своими» людьми в других местах. Например, одна из интервьюируемых, рабобогавшая домработницей, рассказывала о том, что ходила гулять в сад, где собирались домработницы и парни из деревни. Работавшие чернорабочими. Другая наша информантка, мигрантка из деревни, также домработница, Лидия Васильевна, нашла круг общения в церкви, куда она регулярно ходила.

«У нас компания такая была. <...> Четверо из одной деревни, а другие — Маша и Паша — были из другой, из Ярослав-ли, Наташа, Дуся — родные сестры — тоже из другой, где-то из Череповца. <...> Так мы в церкви познакомились, так и дружили. Все приезжие и все в деревнях жили. <...> Я чего-то не интересовалась, чтобы так — подружиться с кем-нибудь ленинградцами. У нас своя компания была и все, насмешек я ир хотела. <...> Вот, 8 человек нас, все приезжие»⁹².

образованные слои

В эту группу мы объединяем людей разного социального происхождения и статуса, имевших высшее образование. Советские городские образованные слои конца 1920-х — 1930-х годов по

их различию в социализации, основным этапам жизненного пути, стартовым возможностям и социальному статусу исследователи

разделяют на «новую интеллигенцию» и «старую интеллигенцию»⁹³. Новую советскую интеллигенцию составляли и коренные петроградские пролетарии, и высокообразованные мигранты (чище всего из провинциальных городов, а не из деревень), получившие образование — «выдвиженцы», направленные в 1920-е годы в ВУЗы по командировкам от предприятий и организаций⁹⁴, в дальнейшем работавшие и как специалисты, и как работники советского партийного и административного аппарата. Также сюда можно отнести управленцев а также инженеро-практиков, не имевших высшего образования, но занявших высокие позиции на предприятиях и в организациях благодаря высокой квалификации. В целом эту группу отличает лояльность

к советскому режиму и приверженность советским традициям и символам (например, отмечание советских праздников), но в то же время интенсивное потребление новой, «советской» культуры. К «старой интеллигенции» мы относим представителей до-революционных образованных слоев — дворян, буржуазию, купечество, как коренных, так и мигрантов, сумевших адаптироваться в советском обществе, найти работу, дать образование детям, избежать клейма «лишущев», «бывших людей», «нетрудовых элементов» и остаться жителями центра. Выходцы из до-революционной элиты предпочитали учиться в учебных заведениях «дореволюционного качества», где в 1930-е преподавали еще многие старые профессора (университет, Горный институт, Политехнический институт, Академия художеств, Институт истории искусств). В 1930-е годы в круги потомственной петербургской интеллигенции вошли и мигранты, выходцы из разных социальных слоев, которые приехали в город, привлеченные культурой Ленинграда, и поступили на учебу или работу в старые учебные заведения, научные и культурные учреждения.

Различия между этими двумя группами внутри советского образованного слоя состояли в основном в их политическом статусе в советском обществе. Если представители советской интеллигенции имели значительные привилегии в советском обществе, то выходцы из дореволюционных образованных слоев, наоборот, утеряли многие бывшие привилегии. Так, например, представители старой интеллигенции были обладателями/наимателями больших квартир, которые были впоследствии «уплотнены», тогда как представители советской элиты были, наоборот, вселены в квартиры, освобожденные от их прежних обитателей. Но частично эти группы перекрывались, то есть некоторые из «бывших людей» 1920-х годов вошли в число «советской элиты» в 1930-е. Несмотря на это, границы между этими группами ощущались жителями города.

Основным объединяющим моментом для «старой» и «советской» интеллигенции является их высшее образование и культурное потребление. Представители советской элиты во многом заимствовали вкусы старой интеллигенции⁹⁵. Ими была в пол-м мере востребована досуговая инфраструктура центра. Тем более что именно в центре города находились учреждения «высокой культуры».

Среди образованной молодежи и людей средних лет были популярны походы в театры, музеи, на драматические, оперные и балетные спектакли, на концерты в филармонии, лекции об

истории города, художественные чтения и литературные вечера. Автор воспоминаний, приехавший из провинции в 1929 году и поступивший в университет в середине 1930-х, дает исчерпывающую информацию о своих вкусах и предпочтениях в искусстве.

«Моего заработка хватало на еду, покупку некоторых книг и минимума одежды. Изрядно уходило на театры, но более всего на филармонию. Билеты в то время доставались легко. В Филармонии в 1933 и 1934 гг. очень хорошие были концерты классической музыки под управлением Александра Гаука, Фрица Штидри, Альберта Коутаса и других русских и иностранных дирижеров. <...> Всех оркестрантов знал пофамильно, но особенно мне нравился Цветковский - концертмейстер оркестра и первая скрипка.

В тоды работы в ГИПХе я еще посмотрел и прослушал весь репертуар Мариинского и Малого Оперного театра. Оперу Бизе „Кармен“ слушал раз семь с разным составом исполнителей и в разных постановках. Особенно хороша в роли Кармен была Фатима Мухтарова.

В драматические театры ходил реже, но хорошо помню замечательную игру актеров Монахова, Певцова, Горин-Горяинова и других.

Едиственное, что я так и не смог полюбить - это эстраду, хотя и слышал выступления всех известных в то время знаменитостей, вроде Смирнова-Сокольского. Оперетта тоже оставяла меня равнодушным. Я все пересмотрел, но ни разу не пошел второй раз.

Удивительные были некоторые литературные вечера - вспоминаю один с Тыняновым, Ал. Толстым и Вяч. Шишковым, другой Андронниковым и т. д. А какие были замечательные фильмы - особенно отечественные и итальянские! А ленинградский Драматический театр на Фонтанке (впоследствии БДТ), театр Акимов-ТЮЗ при Брянцеве... И наезжавшие постоянно в Ленинград МХАТ, Малый театр... И все это было доступно, по карману»⁹⁶.

Из интервью с мигрантами, стремившимися стать настоящими ленинградцами, интеллигентами, видно, что они прежде всего осваивали «высокое» искусство — классическую музыку, оперу, балет, недоступные им в местах их прежнего жительства и поэтому в особенности ассоциирующиеся с традиционно петербургской культурной жизнью. Но при этом их культурное потребление отличалось разносторонностью. Предпочитая классику, они однако с познавательным интересом относились и к «новым» искусствам — кино, эстраде, лекциям для широкой публики. В отличие от них выходцы из дореволюционных высших слоев,

например, из дворян, заинтересованные в сохранении старых традиций, нередко сообщали, что новые искусства вообще не входили в их «культурную программу»: «Ходили в театр, в концерты, в филармонию. В кино как-то считалось... В то время на кино смотрели, как на не совсем настоящее искусство. Оно позже стало искусством, а в то время считали так...»⁹⁷.

Представители советской элиты с удовольствием посещали такие вновь открывшиеся и дорогие места, не популярные у старой интеллигенции, как Мюзик-холл. Также значительно более популярным у этой группы, по сравнению с интеллигенцией, было посещение ресторанов. В 1920-е годы посещение ресторанов было в особенности популярно среди новой буржуазии (напманов), а с середины 1930-х — у представителей советской элиты. У интеллигенции большой популярностью пользовались традиционные домашние вечера с танцами, спектаклями, шарадами. Однако возможности организации таких вечеров многие интеллигенты были лишены после «уплотнения» и потери крупных комнат в квартирах.

По-видимому, полностью невостребованными среди представителей образованных слоев были столь популярные у жителей рабочих окраин развлечения, как танцы в клубах и парках, участие в массовых мероприятиях в «садах отдыха».

Представители образованных слоев считали себя людьми центра, а центром для них была часть города, связанная с литературой и культурой, хранящая мифы о старом Петербурге. Особенно риторика «мистики центра» прослеживается в интервью с теми, кто идентифицировал себя с ценностями старой петербургской «интеллигенции». И коренные, и мигранты-интеллигенты полностью сходились во мнениях об особом габитусе ленинградцев. Но при этом под ленинградцами понимались только люди центра и только люди высокой культуры. Характерно, что, хотя больше половины населения центра города и примыкавших к центру районов составляли недавние выходцы из деревни, представители интеллигенции нередко не замечали этой публики. «Деревенской публики я здесь не видела. Я ее увидела потом, после войны. А до этого здесь была публика избранный. Во всяком случае, петербуржцы имели другой габитус, другой облик, вели себя совершенно иначе, нежели в провинции, они узнавались по поведению, такой был шарм какой-то особый. Не было хамства, была выдержанность»⁹⁸.

«Ленинградцем» на языке интеллигентов является человек, живущий в центре, знающий историю Петербурга, для которого центр города важен как литературный герой, как воплощение

истории и культуры. Освоение центра включало в себя знание мест, увековеченных писателями, художниками, композиторами.

«Когда мама получила квартиру, она получила квартиру около Покровки, на Садовой. То я, попав в этот район, поняла, что это совсем не то. Я привыкла жить в центре, Васильевский остров, понимаете? Это для меня Петербург. А тут такой район, как Вам сказать, торгово-рабочий район был. Разительная была разница. Ну, потом я привыкла к этому району».

В: В чем разница была?

О: Как в чем? В архитектуре, конечно. Это для меня был район, так сказать, не центральный. Но потом я, учуяла, что это тоже старый Петербург, Коломна, что еще Пушкин жил, и что в церкви на Покровской площади, <...> в этой церкви был кал Пушкин, и как бы там бывала Татьяна, считалось. В общем, и занималась литературными реминисценциями в каком-то таком плане, и выискивала в этом районе тоже хорошие места»⁹⁹.

Таким образом, нецентральные районы, и тем более рабочие окраины, не представляли интереса для представителей образованных слоев.

При желании поехать на природу они ездили не в парки, расположенные в рабочих районах, а на окраины Петроградского района (Крестовский, Каменный острова), либо в пригороды, тем более, что часть пригородов (например, Гатчина, Пушкин, Петродворец) были заселены в значительной степени представителями «нетрудовых элементов», выселенных из центра, следовательно, многие имели там знакомых. Популярностью среди интеллигенции и советской элиты пользовался отдых на даче, причем практиковался отдых в одном и том же месте на протяжении многих лет.

Для представителей интеллигенции и советской элиты в значительно большей степени, чем для описанных выше пред-

ставителей малообразованных слоев (рабочих, работников сферы обслуживания), характерно наличие отдельного круга общения (по интересам) у каждого члена семьи, раздельное проведение досуга членами семьи. Дружеские компании коренных ленинградцев формировались из разных кругов (сети родственников, знакомые из учебных заведений, коллеги, знакомые из различных кружков, студий), круг общения мигрантов состоял в большей степени из соучеников и коллег.

В целом для образованных людей нетипично перекрывание социальных ролей. Так, даже для жителей родственных и социально однородных коммуналок менее характерны обычные для

рабочих коммуналок посиделки хозяек и другие формы совместного соседского досуга, значительно реже упоминается общение и с соседями по дому. Однако в наших источниках описаны случаи, когда соседи по дому из интеллигенции становились друзьями и формировались соседско-дружеско-родственные сети из жителей дома. Это происходило в тех домах, где представители дореволюционного образованного класса составляли большинство или значительную часть жителей. В этом случае для старшего поколения соседи играли большую роль в формировании новых сетей, поскольку прежние сети были по каким-либо причинам разрушены. Например, в общении с соседями своего круга могли быть заинтересованы интеллигенты-мигранты, которыми «уплотнили» свои квартиры родственники, а также многие представители образованных слоев, потерявшие круг общения в результате эмиграции и репрессий. Для представителей интеллигенции молодого возраста формирование круга общения из соседей по дому нехарактерно.

Даже в тех случаях, когда формирование сети интеллигенции происходило в значительной мере по месту жительства, отличие от сети рабочего класса в том, что она не разрушается при переезде. Если соседско-дружеские сети рабочего класса укоренены в территорию и поддерживаются в основном в процессе ее совместного освоения (например, походов в магазин, присмотра за детьми, играющими на улице, и т.д.), то основой для формирования соседско-дружеских контактов интеллигенции являются прежде всего не соседство, а общие интересы. Наше исследование подтверждает гипотезу, выдвинутую Р. Палом в работе «Модели городской жизни»: чем ниже у индивида образование и культурный уровень, тем больше вероятность того, что сообщество, членом которого он является, образовано на основе пространственной близости и родственных связях. С повышением образовательного статуса индивида его сообщество (community) преобразуется в социальную сеть, неразрывную к территории

¹⁰⁰

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассматриваемые десятилетия относятся к одному из самых интересных периодов советской истории. В «обществе зыбучего песка» (М. Lewin), когда все приходит в движение, политика государства противоречива и хаотична, меняются представления о норме и патологии (Н. Б. Лебина), увеличивается социальная и географическая мобильность. Исследователи выделяют

общую тенденцию трансформаций в 1920-е - 1930-е годы: переход от революционной дезорганизации 1920-х годов к «ве-ликому отступлению» (Н. Тимашев) середины 1930-х¹⁰¹. Город как вместилище этих процессов и как агент также оказывался непосредственно включенным в процессы социальной трансформации. Нами было описано несколько процессов, повлиявших на изменение социально-пространственной структуры города: попытки реконструкции в соответствии с идеалами социалистического города в 1920-е годы и переход к терпимости к Историческому архитектурному наследию города в 1930-е, изменение социальных композиций разных районов, стремление властей переопределить символическое и культурное значение центра и окраин. В политике развития города мы также наблюдали отступление от провозглашенных принципов планирования города и переход от равенства в пространстве к «иерархии пространств», связанной с новой «иерархией людей»¹⁰².

Несмотря на то что политика городского развития имела большое влияние, социально-пространственная структура города, сложившаяся к концу 1930-х годов, была результатом взаимодействия этой государственной стратегии, города со сложившимся исторически архитектурным и культурным ландшафтом и его жителей с их привычками, представлениями о городском пространстве и его использовании, практиками «потребления города». Поэтому остались актуальными дихотомия центра и окраин, иерархия районов, агрегированность определенных социальных групп в разных частях города, символическое закрепление разных локалов за социальными группами. В центре атмосфера старого города с его ценностями «высокой культуры», символической насыщенностью, архитектурным своеобразием сохранилась во многом благодаря тому, что социалистический проект реконструкции центра не был осуществлен. Центр продолжал выполнять административные функции, и образ Ленинграда ассоциировался с его центральной частью. Новая элита закрепила символическую ценность центра и признала его престиж. Усилия властей по реконструкции окраин также дали свои результаты: вновь возникшие рабочие районы (например Московский) могли по благоустройству и качеству жилья конкурировать с центром. Однако старый исторический центр обладал таким объемом символического капитала, что всякие проекты создания полицентричной структуры не реализовались.

В то же время город приобрел множество новых жителей, которые также влияли на трансформацию городской среды. Большой поток мигрантов в крупные города, вызванный индустри-

стриализацией и коллективизацией деревни, привел к тому, что М. Левин, называет окрестьяниванием городов. За время первой пятилетки (1928—1932) только в Москву и Ленинград приехали 3,5 миллиона новых жителей¹⁰³. Но нужно отметить, что сохранить в неизменности деревенский уклад жизни в городе, даже на окраине, все-таки было трудно, поэтому скорее можно говорить о слободизации городов¹⁰⁴. Организация жизни на окраинах соотчала элементы как городского (труд на промышленных предприятиях), так и сельского образа жизни (семейная структура, домашнее хозяйство, повседневная культура).

Такой процесс слободизации характерен для всех быстро растущих городов. Дженет Абу-Лугод, изучавшая адаптацию мигрантов из сельских районов к городскому образу жизни в Каире, пишет, что в городе с большим числом мигрантов возникают районы, населенные преимущественно сельскими мигрантами. Поселившись в этих, «крестьянских», районах, они воспроизводят общинный уклад и не испытывают потребности в адаптации к городскому образу жизни. Те же, кто попадает в урбанизированные районы, быстрее становятся горожанами, то есть городская среда оказывается значимым агентом социализации мигрантов. Мигранты, попавшие в центр, отмечали, что сам город «воспитывал» их, формировал их вкусы и поведение.

В нашем исследовании гипотеза о значимости первого места жительства мигранта в городе для «огорожанивания» подтверждается. Специфика урбанизации в советских больших городах заключалась в том, что параллельно осуществлялись меры по «окультуриванию» рабочих. Поэтому наши рабочие районы стали местом возникновения специфической «советской городской культуры», которая не являлась деревенской в полной мере, но и не наследовала старую петербургскую культуру.

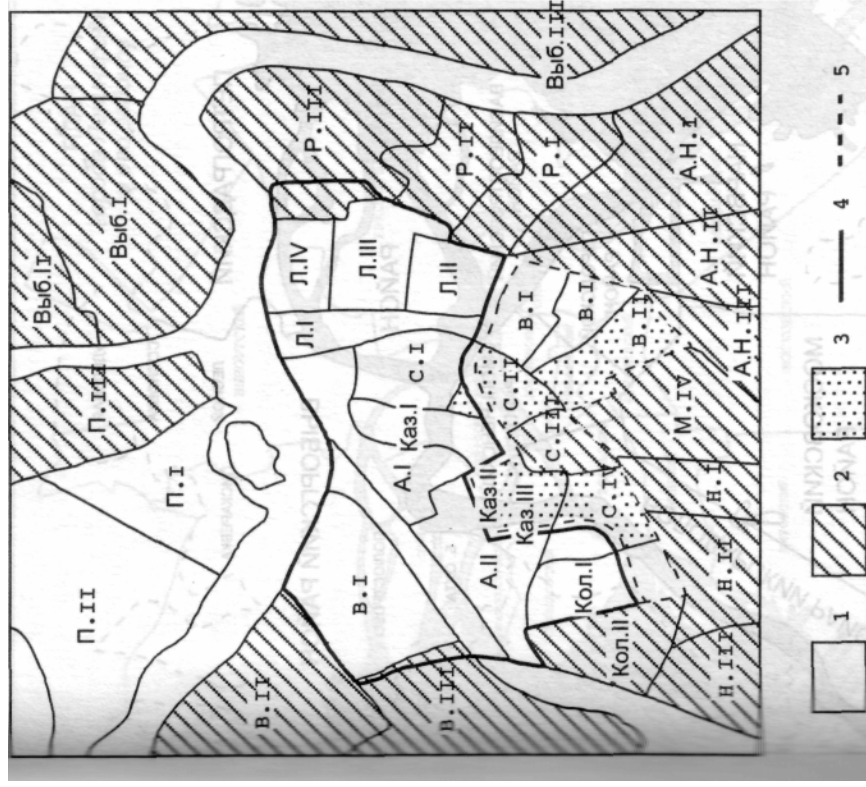

Рис. 1. Деление на социально-бытовые зоны дореволюционного Петербурга.
(Источник: Юхлева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л.: Наука. 1984. С. 111)

Уровень жизни и социально-бытовые зоны.
1 — все показатели уровня жизни положительные; 2 — все показатели уровня жизни отрицательные; 3 — смешанные показатели уровня жизни; 4 — границы административного, культурного и торгового центров; 5 — границы торгово-ремесленного района.

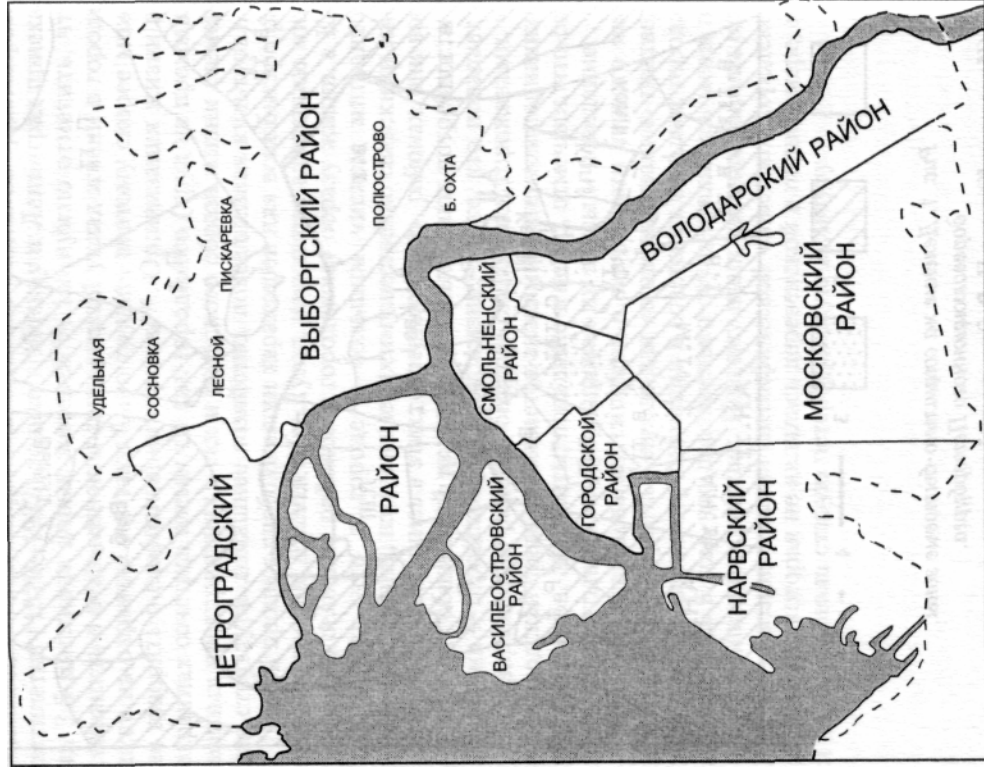

Рис. 2. Районирование Ленинграда на 1930 г.

(Источник: Ленинградская правда. 1930. 7 июня. С. 5)

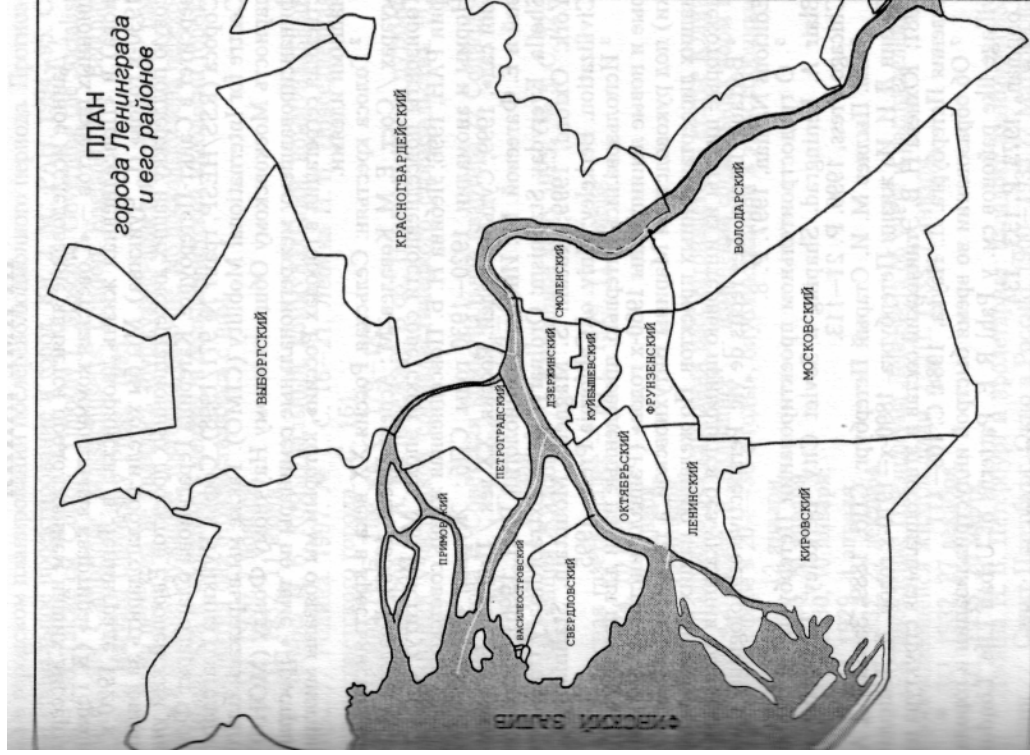

Рис. 3. Районирование Ленинграда на 1936 г.

(Источник: Ленинградская правда. 1936. 21 апреля. С. 5)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Данное исследование является продолжением наших диссертационных проектов — «Советская коммунальная квартира» (К. Герасимова) и «Повседневная жизнь дворянства в Ленинграде 1920-х - 1930-х годов» (С. Чуйкина). Мы бы хотели поблагодарить за финансовую поддержку наших диссертационных проектов Европейский университет в Санкт-Петербурге, Катерина Герасимова благодарит Фонд Сороса (RSS/HESP, грант № 971/1998), Софья Чуйкина благодарит Centre for International Mobility (SIMO). Также мы выражаем благодарность Московскому Общественному Научному Фонду (МОНФ), финансировавшему межрегиональные семинары по теме «Пространственная сегрегация в городах России», которым мы обязаны многими нашими идеями.

² Голоса крестьян: Сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Сост. Е. М. Ковалев. М.: Аспект Пресс, 1996; Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи. М.: Институт философии РАН, 1996; Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб.: Журнал «Нева»; «Летний сад», 1999; Судьбы людей: Россия. XX век / Под ред. В. Семеновой и Е. Фатеевой. М.: Институт социологии РАН, 1996; Fitzpatrick Sheila. Everyday Stalinism: Ordinary life in Extraordinary time. New York: Oxford, 1999; Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. Berkeley: Univ. of California Press, 1995.

³ Использовались интервью, проведенные нами для проекта «Старые и новые ленинградцы 1930-х годов» (Рэнвалл-институт, Хельсинки) под руководством Марины Витухновской, а также собранные для наших диссертационных проектов. По желанию наших информантов, некоторые цитаты из интервью приводятся без указания фамилии.

⁴ Vertaax, Daniel. Les recits de vie. Perspectives ethnologique. Paris: Editions Nathan, 1997. P. 8.

⁵ О градостроительном проектировании Петербурга см. Ruble Blair A. Leningrad. Shaping a Soviet City. Berkeley: University of Chicago Press, 1990. P. 21-113.

⁶ См. Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1889; Засосов Д. А., Пызин Д. И. Из жизни Петербурга 1890-х—1910-х годов. Л.: Лениздат 1981; Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л.: Наука, 1984. С. 108—111.

⁷ Об образовании во время быстрой индустриализации в городах village-like районов см. у Pahl R. E. Patterns of Urban Life. London Longman, 1973. P. 133-134.

⁸ Ленинградская правда (далее — ЛП). 1931. 7 ноября.

⁹ Дебаты об историческом центре Москвы и социалистических преобразованиях городской среды касались Москвы еще в большей степени, чем Ленинграда. Так, некоторые проекты, например Ле Корбюзье, предполагали полное разрушение столицы и отстраивание города нового типа. Эти дискуссии отражены во многих публикациях, посвященных генеральному плану развития Москвы 1935 г. См.: План социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1935. № 8. С. 1-2, Кузнецова В. Ю.,

Манусевич Ю. П. О противоборстве идеологического и социального на городском планировании послереволюционного периода. Прогнозное социальное проектирование и город. Кн. 2. М.: РАН, 1994—95. С. 134. Также см. Colton, Timothy J. Moscow. Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, Massachusetts; London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 1995.

¹⁰ Зона перехода не являлась «буржуазно-аристократической»: там жили и мелкие служащие, торговцы, рабочие. Но поскольку зона переходила к «богатому» центру, в большевистской идеологии город-

то развития она отождествлялась с ним.

¹¹ ЛП. 1930. 7 ноября.

¹² ЛП. 1932. 11 июня.

¹³ Лебина Н. Б. Коммунальный, коммунальный, коммунальный мир... // Родина. 1997. № 1. С. 16-21, Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города... С. 161.

¹⁴ Лебина Н. Б. Там же. С. 179-185. ¹⁵ Александров П. А. На переломе. В сб.: Незведанными путями. Воспоминания участников социалистического строительства. Л.: Лениздат, 1967.

¹⁶ Герасимова Е. Советская коммунальная квартира // Социологический журнал. № 1-2. 1998. С. 224-244. ¹⁷ Смена. 1929. 7 января. ¹⁸ Конференция Жилсоюза // Жилищное дело. 1925. № 3. С. 52—

¹⁹ Красная газета (далее — КГ). 1929. 11 ноября. ²⁰ КГ. 1924. 10 февраля. ²¹ ЛП. 1930. 9 января. ²² КГ. 1929. 19 января. ²³ Более подробно эта кампания рассматривается в статье Юлии Обертрей «„Бывшее“ и „излишнее“ — изменение социальных норм в жилищной сфере в 20-е—30-е годы», опубликованной в этом сборнике. ²⁴ КГ. 1930. 12 января.

²⁵ ЛП. 1930. 10 января.

²⁶ ЛП. 1930. 10 января.

²⁷ ЛП. 1929. 4 апреля.

²⁸ ЛП. 1932. 27 декабря.

²⁹ Постановление Президиума Ленсовета об учете и распределении освобождающейся жилплощади. //ЛП. 1933. 7 января.

³⁰ ЛП. 1932. 27 декабря.

³¹ ЛП. 1935. 20 марта.

³² Лебина Н. Б. Петербург и пролетарият: парадоксы взаимоотношений // Санкт-Петербург. Окно в Россию. 1900-1935 // Материалы международной научной конференции. Париж, 6-8 марта 1997, СПб: Феникс, 1997. С. 100-111.

³³ Интервью с Ольгой Павловой, 1914 г. р., интервьюер — К. Герасимова.

³⁴ Интервью с Воишиной Екатериной Ильиничной, 1909 г. р., инт. С. Чуйкина.

³⁵ ЛП. 1935. 22

марта, ³⁶ ЛП. 1935.

23 марта.

- ³⁷ ЛП. 1932. 15 ноября.
³⁸ ЛП. 1931. 28 декабря.
³⁹ ЛП. 1933. 19 октября.
⁴⁰ ЛП. 1935. 3 сентября.
⁴¹ ЛП. 1931. 4 декабря.
⁴² ЛП. 1931. 7 ноября.
⁴³ ЛП. 1930. 7 ноября.
⁴⁴ ЛП. 1930. 6 января.
⁴⁵ Интервью с Валишкиным Анатолием Александровичем, 1918 г. р., инт. К. Герасимова.
⁴⁶ Интервью с Алексеем Константиновичем, 1913 г. р., инт. К. Герасимова.
⁴⁷ ЛП. 1929. 9 июня.
⁴⁸ КГ. 1934. 26 января.
⁴⁹ ЛП. 1933. 3 декабря.
⁵⁰ ЛП. 1930. 7 ноября.
⁵¹ ЛП. 1930. 13 октября.
⁵² Статистический справочник по г. Ленинграду и Ленинградской области. Л.: Издание Облбисполкома и Ленсовета, 1932. С. 28—29.
⁵³ ЛП. 1929. 9 апреля.
⁵⁴ Ленинград в цифрах. Л.: Издание Облбисполкома и Ленсовета, 1935. С. 84—85.
⁵⁵ ЛП. 1933. 26 сентября.
⁵⁶ ЛП. 1933. 3 декабря.
⁵⁷ ЛП. 1933. 3 декабря.
⁵⁸ ЛП. 1934. 28 ноября.
⁵⁹ ЛП. 1935. 30 августа.
⁶⁰ ЛП. 1935. 6 января.
⁶¹ См. воспоминания о жизни на Крестовском острове: Цендровская С. И. Крестовский остров от НЭПа до снятия блокады // Невский архив. Вып. II. М.—СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. С. 80—105.
⁶² О «потреблении города» его жителями см.: De Certeau, M. The Practice of Everyday Life / Translated by Steven Kendall. Berkeley: University of California Press, 1984. Part III. P. 91—131.
⁶³ Мы предполагаем, что некоторые социальные слои и субкультурные группы (например, элита, этнические, религиозные) остались вне анализа.
⁶⁴ Abu-Lughod, Janet. Migrant Adjustment to City Life: the Egyptian case // The American Journal of Sociology. XLVII (1961): 22—32. P. 24.
⁶⁵ Витухновская М. «Старые и новые горожане: мигранты в Ленинграде в 1930-е годы» (в настоящем сборнике).
⁶⁶ Ленинград в цифрах. Л.: Издание Облбисполкома и Ленсовета, 1935. С. 7.
⁶⁷ Интервью с Карлом Константиновичем, 1912 г. р., инт. К. Герасимова.
⁶⁸ Сад им. Бабушкина.
⁶⁹ Интервью с Колокольной Натальей Федоровной, 1918 г. р., инт. С. Чуйкина.

- ⁷⁰ Bott, Elisabeth. Family and Social Networks. London: Tavistock Publications, 1971.
⁷¹ ЛП. 1929. 17 января.
⁷² ЛП. 1932. 15 ноября.
⁷³ ЛП. 1931. 29 июня. С. 4.
⁷⁴ ЛП. 1928. 27 марта. С. 5.
⁷⁵ ЛП. 1930. 28 мая.
⁷⁶ КГ. 1934. 26 января.
⁷⁷ ЛП. 1934. 19 июня.
⁷⁸ Bourdieu, Pierre. Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste. London: Routledge, 1984. P. 372—396.
⁷⁹ Интервью с Колокольной Натальей Федоровной, 1918 г. р., инт. С. Чуйкина.
⁸⁰ Интервью с Новиковой Марией Андреевной, 1915 г. р., инт. К. Герасимова.
⁸¹ Интервью с Колокольной Н. Ф.
⁸² Интервью с Карлом Константиновичем, 1912 г. р., инт. К. Герасимова.
⁸³ Несколько таких биографий (Бологова А. В., Сиротинина П. Н., Александрова П. А., Фоминой М. Н.) представлено в сб.: Неизданные. Путь. Воспоминания участников социалистического строительства. Л., 1967. В воспоминаниях П. Н. Сиротинина приводятся данные, свидетельствующие о росте среди членов партии числа рабочих по происхождению (в 1931 году — 82%), и снижении числа рабочих по роду занятий (до 60%). К XVII съезду партии рабочие по роду занятий составляли не намного более 50%, значительная часть бывших рабочих перешла на административную и общественную работу (см. с. 161). По данным статистики, с начала 30-х годов значительно возросло число учащих рабочего происхождения в вузах и техникумах, а так- число состоящих в партии и комсомоле. Так, в 1928 году из учащихся в вузах города было 32,5% рабочих и их детей и 21,3% партийных, а уже в 1932 году эти цифры увеличились соответственно до 56,2% и 28,9% (Ленинград в цифрах. Статистический справочник. Л.: Издание Облбисполкома и Ленсовета, 1936. С. 153—155).
⁸⁴ Интервью с Валишкиным Анатолием Александровичем, 1918 г. р., инт. К. Герасимова.
⁸⁵ XV лет диктатуры пролетариата: Экономико-статистический Сборник по городу Ленинграду и Ленинградской области. Л.: Издание Облбисполкома и Ленсовета, 1932. С. 124.
⁸⁶ ЛП. 1930. 28 мая.
⁸⁷ См. Витухновская М. Указ. соч.
⁸⁸ Интервью с Правдиной Екатериной Ивановной, 1913 г. р., инт. С. Чуйкина.
⁸⁹ Название парка происходит от названия театра — Народный дом (позже Мюзик-холл). Позже парк был переименован в парк имени Ленина, в настоящее время — Александровский парк.
⁹⁰ Интервью с Правдиной Е. И.
⁹¹ Интервью с Надеждой Алексеевной, 1906 г. р., инт. К. Герасимова
⁹² Интервью с Гуриной Лидией Васильевной, 1918 г. р., инт. С. Чуйкина.

Катерина Герасимова, Софья Чуйкина

⁹³ Fitzpatrick, Sheila. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1992. P. 10-12.

⁹⁴ О системе образования и правилах приема в ВУЗы после Октябрьской революции см.: Купайгородская А. П. *Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти (1917—1925)*. Л.: Наука, 1984. Fitzpatrick, Sheila. *Education and Social Mobility in the Soviet Union. 1921—1934*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

⁹⁵ Волков В. В. Концепция культурности, 1935—1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 194—214; Dunham V. In *Stalin's Time: Middle-class Values of Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976; Timasheff N. *The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia*. New York: Dutton and Co., 1946.

⁹⁶ Кирпичников М. Э. Воспоминания (рукопись, из личного архива).

⁹⁷ Интервью с Бурлаковой Варварой Васильевной, 1913 г. р., инт. С. Чуйкина.

⁹⁸ Интервью с Исаакян Лилиан Аршавировной, 1916 г. р., инт. С. Чуйкина.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Pahl R. E. *Patterns of Urban Life*. London: Longman, 1973. P. 104-106.

¹⁰¹ Помимо цитировавшихся уже работ (Timasheff, Fitzpatrick, Dunham, Волков), интересный анализ представлен в книге В.Паперного «Культура Два» (М.: НЛЮ, 1996), в которой автор помещает развитие советской архитектуры в 1920—1950-е годы в общий контекст изменений советского общества.

¹⁰² Каперный В. Указ. соч. С. 100-143.

¹⁰³ Lewin, M. *The Making of the Soviet System*. London: Methuen, 1985. P. 218-220.

¹⁰⁴ Термин «слободизация» городов используется исследователем городской среды В. Глазычевым. См., например, доклад «Изменения средовой структуры постсоветского города» на международной конференции «Санкт-Петербург в конце XX века. Современная жизнь исторического города». 1—3 октября 1998, Санкт-Петербург.